

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
*(ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
ИНСТИТУТ ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЯ
НАУЧНО-УЧЕБНЫЙ МУЗЕЙ)*
ПЕТРОВСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК И ИСКУССТВ
ПРИМОРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ШИРОКОГОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ)

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
посвященной 102 годовщине со времени образования ДВГУ
г. Владивосток 18-19 октября 2001 г.,

ВЛАДИВОСТОК
Издательство Дальневосточного университета
2001

ББК 63.5

Ш 64

Редакционная коллегия:

Кузнецов А.М., д.и.н. (отв. редактор),
Романова Л.И., д.ю.н., Старостин Б.К., к.ф.м.н., Чуб Л.И., к.ф.н.

Оргкомитет конференции:

Курилов В.И. (*председатель оргкомитета*), д.ю.н., профессор, ректор ДВГУ
Резник Б.Л. (*заместитель председателя*), д.ф.-м.н., профессор, первый проректор ДВГУ
Кузнецов А.М. (*заместитель председателя*), д.и.н., профессор, декан факультета ВИМО ДВГУ
Чуб Л.И. (*ученый секретарь*), к.ф.н., доцент, ДВГУ
Самигулин Р.М., к.и.н., профессор, проректор, директор института истории и философии ДВГУ
Антонов В.Н., к.ю.н., директор Владивостокского института международных отношений ДВГУ
Белоусов А.А., к.и.н., профессор, директор Института менеджмента и бизнеса ДВГУ
Хаматова А.А., к.ф.н., профессор, директор Восточного института
Старостин Б.К., к.ф.-м.н., доцент, директор Краеведческого НИИ, директор Научного музея ДВГУ

Ш 64 Широкогоровские чтения.

Материалы научной конференции. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2001. - с.71

В сборнике опубликованы тезисы докладов и материалы первой научной конференции, посвященной замечательному российскому антропологу С.М. Широкогорову. Содержание сборника отражает сферу научных интересов С.М. Широкогорова: этнография, этнология, археология Сибири и Дальнего Востока, тунгусо-маньчжурские языки, физическая антропология. Другая часть материалов содержит биографические данные о специалистах и краеведах, связанных с этнографическим и археологическим исследованием Сибири и Дальнего Востока, развитием востоковедения.

Сборник предназначен для специалистов антропологов, этнологов, археологов, историков и студентов гуманитарных специальностей.

ш 2001050000
180(03)-2001

ББК 63.5

© Издательство Дальневосточного университета, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

День 21 октября 2001 года отмечен знаменательным событием в истории российского Дальнего Востока: единственный классический университет региона - Дальневосточный государственный университет, созданный по решению Николая II, отмечает свою 102 годовщину.

Начав исторический путь с небольшого вуза - Восточного института, ДВГУ превратился в крупнейший центр образования, науки и культуры Дальнего Востока. Сегодня 45 его факультетов и институтов, 143 кафедры, более 1000 профессоров и преподавателей ведут подготовку кадров по 76 специальностям. Более 21 тыс. студентов ДВГУ обучаются в городах: Владивостоке, Артеме, Находке, Уссурийске, Партизанске, Арсеньеве, Спасске-Дальнем, Петропавловске-Камчатском, Хакодате (Япония) и п.Михайловка. Свыше 2 тыс. специалистов выходят ежегодно из стен старейшего учебного заведения дальневосточного края. Выпускники ДВГУ - это 70% ученых ДВО РАН, практически все востоковеды, большая часть юристов, целая армия учителей Дальнего Востока. Последнее десятилетие 20 столетия явилось периодом наиболее активного развития университета. За это время кардинально укрепилась его материальная база, произошли крупные изменения в структуре, содержании обучения. Уникальные международные программы интегрировали ДВГУ в международную образовательную систему, вывели его в число лучших университетов Азиатско-Тихоокеанского региона. В университете сложились фундаментальные научные школы по физике, химии, биологии, юриспруденции, русской филологии, первая в России школа практического востоковедения, которые получили широкую известность в нашей стране и за рубежом.

За время своего существования ДВГУ внес огромный вклад в социально-экономическое и культурное развитие восточных районов страны. Достиженные нами успехи, в значительной степени, стали результатом развития длительных научных и образовательных традиций. Богатейший исторический опыт ДВГУ по созданию и развитию высшей школы в регионе, обладая огромной научной и практической ценностью, большим воспитательным потенциалом, нуждается в изучении и всемерном освещении. Нашими преподавателями, в первую очередь историками, сделано уже немало в этом отношении. Сегодня же, в предверии очередной годовщины образования нашего университета, мы вписываем в его историю еще одну яркую ее страницу, связанную с деятельностью замечательного ученого Сергея Михайловича Широкогорова. Оказавшись во Владивостоке в силу сложных обстоятельств революции и гражданской войны, младший антрополог Музея антропологии и этнографии РАН С.М. Широкогорov принял самое активное участие в развитии высшего образования нашего города и всего региона. Он сыграл большую роль в создании частного Историко-Филологического факультета и стал одним из его профессоров и редактором первых выпусков «Ученых записок» этого факультета. Именно С.М. Широкогорovu был доверен пост председателя

Комитета по открытию Государственного Дальневосточного университета. Разрабатывая лекционные курсы для студентов историко-филологического, а затем восточного факультетов ГДУ, Сергей Михайлович впервые сформулировал основные положения своей концепции этноса, шаманизма, психоментального комплекса и других идей, которые намного опередили свое время. Несмотря на трудности военного времени, Университет нашел возможность командировать С.М. Широкогорова в сентябре 1922 г. в Шанхай и выделил средства на издание его первых крупных работ «Социальная организация маньчжур» и «Этноса». После установления советской власти в Приморье Сергей Михайлович оказался в вынужденной эмиграции в Китае, но, являясь достойным представителем российской науки, он и здесь продолжил свою деятельность на благородном поприще образования и научной деятельности. В разное время С.М. Широкогоров работал в университетах Шанхая, Аомыня и Пекина. Ему принадлежит значительный вклад в развитие антропологии и этнографии Китая. В эмиграции С.М. Широкогоров подготовил большое количество научных работ, в том числе фундаментальные «Социальная организация северных тунгусов» и «Психоментальный комплекс тунгусов», принесшие ему мировую известность. Последовательно придерживаясь принципа развития фундаментальной науки и интернационализации образования, именно Дальневосточный государственный университет, что очень символично, проводит первую в нашей стране конференцию посвященную памяти Сергея Михайловича Широкогорова «Широкогоровские чтения». Тем самым мы, фактически, возвращаем не только истории нашего университета, но и российской науке в целом этого выдающегося ученого и гражданина. Мы делаем это потому, что твердо уверены в том, что оглядываясь в прошлое и сохраняя все лучшее из созданного трудами многих поколений, мы четче определяем перспективы своего дальнейшего развития.

Ректор Дальневосточного государственного университета
Заслуженный работник высшей школы РФ, д.ю.н., профессор КУРИЛОВ В.И.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ШИРОКОГОРОВ – ОБРЕТЕННОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

КУЗНЕЦОВ А.М.

Дальневосточный государственный университет, Владивосток

В начале нового века российская наука о человеке, этносах и культурах переживает новый период реорганизации. Советская этнография, которую с трудом удалось сохранить от младомарксистских выпадов 30-х гг., оказалась теперь преобразованной в этнологию. Наряду с ней в нашей стране, наконец-то, получила признание еще не вполне оформившаяся социально-культурная антропология. Соотношение этих двух отраслей знания оказывается очень сложным и противоречивым в силу опасения, что они претендуют на один и тот же предмет исследования и преследуют общие цели. Существует также некоторое сходство в источниках формирования и реорганизации этих дисциплин: опыт мировой науки и российское наследие дореволюционного и раннесоветского периодов. Пожалуй, самой противоречивой и малоизвестной фигурой в этом наследии по-прежнему остается С.М. Широкогоров (1887-1939).

До последнего времени в России вокруг имени и наследия этого выдающегося ученого поддерживался некий вакуум, заполненный догадками, сведениями легендарного характера о нем и устойчивыми стереотипами предвзятого отношения к нему. Все это при том, что С.М. Широкогоров давно заслужил мировую известность и признание, наглядным свидетельством которых являются переиздание его основных трудов в Европе и США, а также выход их переводов в Китае и Японии. У нас же он больше известен только как создатель «одной из одиозных биологических концепций этноса». Однако, знакомство с реальными фактами биографии С.М. Широкогорова и внимательное, непредвзятое прочтение его работ создают совершенно иной облик этого ученого и человека и у российского читателя. Так будем же руководствоваться в наших оценках этими фактами и адекватными смыслами текстов!

Сергей Михайлович свое профессиональное образование начал во Франции. Он учился на филологическом факультете Сорбонны, но параллельно занимался в Высшей школе политической экономии и Антропологической школе. Закончив обучение в Парижском университете С.М. Широкогоров возвращается в Россию и поступает на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета и одновременно проходит курс в Археологическом институте. Его разнообразные интересы сначала сосредоточились на археологии, университет добавил сюда физическую антропологию, а затем академик В.В. Радлов направил их на этнографию тунгусо-маньчжурских народов. С 1910 г. начинаются первые экспедиции Широкогорова, которые с 1912 г. охватывают Восточную Сибирь. В 1915 г. по заданию Академии наук он вместе с женой и верным спутником Елизаветой Николаевной Широкогоровой совершает длительную экспедицию на Дальний Восток в Маньчжурию и Приамурье. Вернувшись в Петроград в

1917 г., они осенью этого года снова выезжает в Китай, чтобы провести новую, более крупную экспедицию. Разразившаяся гражданская война приводит Широкогорых во Владивосток. Здесь Сергей Михайлович принимает активное участие в развитии высшего образования, немало сделав сначала для открытия частного Историко-Филологического факультета, а затем и Государственного Дальневосточного университета. Вынужденный в силу обстоятельств заняться преподаванием, С.М. Широкогоров должен был систематизировать свои знания и результаты экспедиционных исследований. В результате во Владивостоке были написаны и частично опубликованы такие важные, во многом концептуальные работы как «Опыт исследования основ шаманства у тунгусов», «Социальная организация маньчжур» и «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений». Для печатания своих работ Сергей Михайлович выехал в сентябре 1922 г. по командировке ГДУ в Шанхай, где его и застало установление советской власти в Приморье. В результате этих событий он оказался в вынужденной эмиграции в Китае и сначала работал в учебных заведениях Шанхая и Аомыня, а с 1930 г. – Пекина. В эмиграции С.М. Широкогоров подготовил около 50 работ (в том числе такие крупные монографии как «Социальная организация северных тунгусов» и «Психоментальный комплекс тунгусов»), вышедших в основном на английском, частично - немецком и французском языках.

В работах владивостокского и эмигрантского периодов С.М. Широкогоров предстает как специалист энциклопедического размаха, рассматривающий проблемы антропологии, этнографии, лингвистики, социальной организации, материальной культуры, психологии, традиционных верований и духовной жизни различных тунгусо-маньчжурских народов. Но что более важно, этот масштаб сочетается у него с глубоким теоретическим осмыслением предмета исследований, самым серьезным отношением к вопросам методологии науки. Не удивительно, что именно он впервые разработал ряд глубоких и принципиально новых идей об этносе, этнологии, шаманизме, и многим другим сюжетам. Блестящее образование, разносторонние интересы, благоприятная научная среда, в которой формировался С.М. Широкогоров, а самое главное, яркий талант исследователя и мыслителя позволили С.М. Широкогорову еще в 20-х гг. XX века предвосхитить основные принципы и положения системной теории. Его идеи психоментального комплекса близко перекликаются с достижениями исторической школы «Анналов», учет роли наблюдения и наблюдателя предвосхищает выпады посмодернистской антропологии и такой перечень прорывов, опередивших свое время, можно еще продолжить. Что касается пресловутого «биологизаторства», то очень показательным, что Л.Н. Гумилев, которого часто считают единомышленником и чуть ли не наследником С.М. Широкогорова, фактически, отрешивается от него.¹ Термин биологический в концепции последнего очень не однозначен и может обозначать: живое, физическое строение живого организма, объективное и др. и его применение связано со стремлением отразить телесность человека, его

существование как живого организма. В то же время, С.М. Широкогоров уделял огромное внимание такому важнейшему свойству человека как сознание, он постоянно подчеркивал его роль в обеспечении жизнедеятельности и развития этносов и показывал необходимость и значимость исследования тех способов и условий, в которых осуществляется осмысление человеком окружающего мира. Поэтому устойчивый стереотип восприятия у нас концепции замечательного исследователя касается только одной и даже не самой важной стороны его концепции. Точно также необоснованными будут упреки С.М. Широкогорова в эклектическом сочетании естественнонаучных и социогуманитарных понятий, тем и принципов. Дело в том, что для него характерен генерализирующий подход, исходящий из целостного восприятия и исследования рассмотрения явлений, а не их аналитического расчленения на составные части. Как раз на практике мы очень часто имеем дело с такими редуцированными фрагментами некогда цельных образований, которым вольно или невольно пытаются придать несвойственный им уже исходный облик. В своих концепциях этноса, психоментального комплекса и др. Сергей Михайлович очень четко выдерживает это единство изучаемых явлений. Эта идея цельности сложных образований будь то этнос, этнология, культура, образы окружающей реальности приводила исследователя иногда к парадоксальным выводам, но проводилась и соблюдалась она всегда четко и корректно.

Такая последовательность послужила основой для блестящего прорыва, сделавшего основные идеи С.М. Широкогорова актуальными и в наши дни, но она же стала и причиной ряда серьезных ошибок. Подобно многим своим великим современникам и предшественникам С.М. Широкогоров стремился к универсальности научного знания, поэтому его этнология должна была вобрать практически все социальные и гуманитарные дисциплины, включая экономику и правоведение. В этом заключается первое великое противоречие замысла и возможностей его реализации. Сегодня мы хорошо видим как вместо стройного ствола единой дисциплины этнологии или чего-нибудь другого разрослось множество изолированных ветвей обширной кроны субдисциплин, слабо информированных друг о друге и почти потерявших связи со своими корнями. Второе великое противоречие состоит в том, что свои глубокие прорывы С.М. Широкогоров неизбежно должен был совершать, отталкиваясь от общего уровня развития науки своего времени. Отсюда недостатки аргументации ряда положений, отсутствие необходимых данных для более углубленного анализа явлений и т.д. Но все же на фоне этих ошибок и представлений, являющихся данью своему времени, еще более удивительными и непостижимыми выглядят реальные успехи и достижения нашего замечательного соотечественника. Поэтому сегодня мы можем с полным правом говорить о феномене С.М. Широкогорова, который смог верно понять основные тенденции развития науки и в соответствии с ними предложить решения ряда важнейших научных проблем, в том числе такой взрывоопасной как этнос. В современной динамичной науке сложился четкий критерий: если ученого вспоминают через 15 лет после его смерти, то его можно считать классиком своей науки. Основные работы С.М. Широкогорова были востребованы за рубежом гораздо

позже указанного срока и о них и сегодня часто пишут как о блистательных, а их автора определяют, например, как выдающегося тунгусоведа.

Как и всякому первопроходцу, Широкогорову часто приходилось идти вразрез с господствовавшими концепциями своего времени, а затем политическая ситуация привела к тому, что Россия от него, фактически, отказалась. Советская наука стала развиваться уже своим особым путем, указанным идеями исторического материализма. Это - вполне понятные причины, которые заставляли игнорировать С.М. Широкогорова и его идеи в СССР. Но, если сегодня мы всерьез говорим о восстановлении прерванных традиций, то уже нет никаких оснований оставлять в забвении научное наследие этого замечательного исследователя. Тем не менее, наша этнология в целом отказывает С.М. Широкогорову в признании и не стремится к возвращению его работ и идей. Такая позиция очень показательна – слишком уж отличается та универсальная наука об этносах, которую он создавал, от получившегося у нас ее варианта. Этнология по-широкогоровски это - концептуальные теории высокого уровня, объединяющие в себе этнографию, археологию, лингвистику, физическую антропологию, психологию и ряд других направлений. В таком виде она более всего смыкается с другой современной областью знаний, которую можно определить как комплексную науку о человеке или реальных формах проявления и измерения человека, т.е. общей антропологией. Сам С.М. Широкогоров определял в автобиографии 1921 г. область своих интересов как методологию этнологии и методологию антропологии². Для нас сегодня очевидно, что он, действительно, представляет большой интерес не только как великолепный этнограф, тщательно зафиксировавший на страницах своих дневников и работ почти исчезнувший сегодня неповторимый мир тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока и Восточной Сибири, но и как теоретик и методолог, сумевший глубоко понять этот мир и на его основе лучше осознать свое собственное общество и его культуру. Судьба так распорядилась, что С.М. Широкогоров совместил в своей жизни четыре очень разнородных мира начала XX в.: российский, западноевропейский (в его французском варианте), тунгусо-маньчжурский (вариант архаического) и дальневосточный (в китайском виде, при беглом знакомстве с японским и корейским). В результате этих длительных экспедиций был произведен уникальный эксперимент, осуществленный одним ученым, по масштабному кросскультурному исследованию путем включенного наблюдения. В этом смысле С.М. Широкогоров независимо повторил путь Б. Малиновского и Ф. Боаса, признанных основоположников социально-культурной антропологии XX века. Итогом этого поиска и стали концепция этноса как исходной общности людей и идея универсальной науки этнологии. Однако, основное значение сделанных открытий заключается в том, что они способствуют более глубокому пониманию человека. Учитывая реальные достижения нашего замечательного ученого, многогранный характер его деятельности, он может быть с полным правом определен как выдающийся российский антрополог. К сожалению, приходится констатировать, что вплоть до настоящего времени С.М. Широкогоров остается не то что непонятым, но

даже непрочитанным в нашей стране. Между тем его наследие содержит в себе большой задел в решении ряда проблем, которые мало разрабатывались в советской науке, в частности, культуры и особенностей осмысления человеком окружающей его реальности. Поэтому наша вновь воссозданная комплексная наука о человеке может и должна использовать фундаментальный задел С.М. Широкогорова и использовать его для выстраивания здания своей национальной научной школы.

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М. АСТ. 2001. с. 67-69
РГИА ДВ. Ф. Р-289, оп. 2, д. 1375, л. 28

ЛИЧНОЕ ДЕЛО АНТРОПОЛОГА С.М. ШИРОКОГОРОВА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЕРМАКОВА Э.В.

Дальневосточный государственный университет, Владивосток

Сегодня уже не надо доказывать значимость архивных источников, их информационную насыщенность, позволяющую вести реконструкцию событий, деятельности людей прошлых лет. Среди их многообразия важное место занимают документы личного происхождения, которые в Российском государственном архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ) представлены, в основном, личными делами.

В фонде Государственного Дальневосточного университета (ф. Р-289, оп. 2) отложилось личное дело его преподавателя С.М. Широкогорова (д. 1573), российского этнографа, одного из немногих антропологов 10-30 гг. XX столетия¹. Небольшое по объему – 44 листа – дело содержит весьма интересные факты жизни и деятельности С.М. Широкогорова. Документы охватывают короткий, но весьма насыщенный период в его педагогической и научной деятельности (ноябрь 1921-декабрь 1922 гг.).

Материалы личного дела представлены распоряжениями декана преподавателям восточного факультета о составлении письменного отзыва о кандидатуре С.М. Широкогорова на должность преподавателя ГДУ, Curriculum vitae С.М. Широкогорова, тремя отзывами преподавателей о Широкогоре, его перепиской с руководством ГДУ, программой преподавания этнографии, содержанием – планом труда «Этнос», тезисами об этносе.

В распоряжениях декана восточного факультета ГДУ Е.Г. Спальвина, направленных 30 ноября 1921 г. профессорам Н.В. Кюннеру, А.В. Гребенщикову, доценту А.М. Мерварту, содержалась просьба о письменном отзыве о кандидатуре С.М. Широкогорова, бывшем преподавателе частного Историко-Филологического факультета, для баллотировки его на должность преподавателя по кафедре этнографии и географии стран Дальнего Востока с поручением читать лекции по тунгусскому языку. Идентичное распоряжение

было направлено 21 декабря преподавателю, этнографу И.А. Лопатину (по-видимому, в ноябре И.А. Лопатин отсутствовал в университете).

По отзывам-характеристикам Н.В. Кюнера, А.М. Мерварта и И.А. Лопатина можно судить, что распоряжение декана было выполнено. Однако отсутствовал отзыв А.В. Гребенщикова, по-видимому, он его не написал. Есть в деле небольшое письмо А.В. Гребенщикова на имя деканата с просьбой представить ему для написания отзыва главнейшие научные труды Широкогорова. Данное письмо вызвало переписку между Е.Г. Спальвиным и С.М. Широкогором – два небольших письма. В них первый обращался с просьбой предоставить печатные труды, а второй отвечал, что имеет возможность представить только статью, напечатанную в «Ученых записках Историко-Филологического факультета» т. 1, 1919 г., остальных работ он на руках не имеет. С.М. Широкогор в письме замечает, что профессор А.В. Гребенщиков располагает его работой «Задачи антропологии в Сибири».

В деле сохранились 3 отзыва – Н.В. Кюнера, А.М. Мерварта, И.А. Лопатина, в которых дается высокая оценка С.М. Широкогорова, как человека с широким научным кругозором, большой эрудицией, известного в мире науки ученого. Все это позволяло С.М. Широкогору, по их мнению, занять даже должность профессора, но этому мешает его небольшой преподавательский стаж.

В состав личного дела входит «Жизнеописание» С.М. Широкогорова, дающее уникальные сведения, которых нет в других документах. В нем 6 разделов: биографические сведения; сведения об образовании; исследования (командировки, экспедиции); труды (опубликованные), труды готовые к печати; собранные, но не обработанные материалы; специальные интересы. Из Curriculum vitae мы узнаем о дате рождения, годах учебы, о работе в Музее антропологии и этнографии, о 7-ми командировках, экспедициях в Саратовскую, Кубанскую, забайкальскую области, Тверскую губернию, в Маньчжурию, Монголию, Северный Китай с целью лингвистических, антропологических и археологических исследований. Полные сведения даются об опубликованных и неопубликованных трудах в количестве 16 работ и 3-х необработанных материалах. Не менее важен раздел о научных интересах исследователя, которые характеризовались 3-мя направлениями: тунгусские языки, методология антропологии, методология этнографии.

С.М. Широкогор был принят на должность приват-доцента, о чем свидетельствует протокол о баллотировке и избрании С.М. Широкогорова. Но нет документа о решении Ученого Совета университета об избрании. Но судя по ряду материалов, и в частности, по переписке Широкогорова с руководством ГДУ, наличию программы преподавания этнографии для студентов I и II курсов, решение Совета было положительным. Программа дает представление о круге вопросов, намеченных к изучению. Она разделена на пять разделов: введение, социальная культура, духовная культура, методология этнографии и приложение этнографического материала к этнологии.

Весьма любопытен документ «Тезисы», текст которого отпечатан на машинке, а название написано и подчеркнуто карандашом, подпись под

тезисами Широкогорова и надпись «этнос» исполнены также карандашом. Карандашная надпись в конце страницы дает возможность установить название тезисов «Этнос». Тезисы состоят из 18 пунктов, в которых определяется понятие этноса, утверждается тезис об этносе как части географической среды, об усложнении отношений этноса к первичной и вторичной средам, культуре этноса, ее устойчивости и т.д.¹.

Кроме тезисов представлено, по-видимому, оглавление монографии С.М. Широкогорова «Этнос» (исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений). Оглавление позволяет установить структуру работы, основные проблемы, ставшие предметом исследования (классификация этносов – антропологическая, лингвистическая, этнографическая; классификация первичной, вторичной среды; межэтнические отношения и т.д.). И, наконец, весьма печальные документы – переписка, точнее письма С.М. Широкогорова, на которые он не получал ответов. Он писал ректору университета (в конце октября 1922-январь 1923 гг. и.о. ректора Е.Г. Спальвин). В личном деле три письма, отправленных на имя декана восточного факультета – одно письмо, на имя ректора – два письма. По письмам можно определить, что С.М. Широкогоров уехал, по-видимому, в сентябре или начале октября 1922 г. в командировку в Китай для печатанья своих работ «Этнос» и «Социальное устройство маньчжур». 24 октября он в своем письме-заявлении просит предоставить отпуск без содержания до 24 января 1923 г., т.к. не успевает с печатаньем своих работ.

На следующий день, 25 октября, во Владивосток вошли части Народно-революционной армии и в Приморье была установлена советская власть. Широкогоров пользуется слухами, которые поступали в Шанхай. Из извещения, которое он получил 15 декабря (его в деле нет, но есть в письме упоминание о нем), он узнает, что отчислен 26 декабря из университета, как добровольно его покинувший. В двух письмах – от 14 ноября и 15 декабря 1922 г. С.М. Широкогоров сообщает о своей работе в Шанхае по печатанью трудов «Этнос» и «Социальное устройство маньчжур», степени их готовности и о своем несогласии с решением университета о его увольнении. Он просит Совет о пересмотре такого решения. Ответы их Владивостока в деле не сохранились. Можно предположить, что они или не отправлялись, или не попали в архив.

Выявленные письма С.М. Широкогорова позволяют установить факт его насильственной эмиграции, ему некуда было возвращаться. Таким образом, обвинение о бегстве С.М. Широкогорова за границу, благодаря этим письмам, рассыпалось, как карточный домик.

Личное дело С.М. Широкогорова представляет несомненный интерес. Несмотря на неполноту документов, оно содержит весьма ценные материалы о причинах, приведших ученого в эмиграцию, а исследователю дан в руки источник для опровержения долго бытовавших в литературе обвинениях о его добровольной эмиграции.

1. РГИА ДВ. Ф. Р-289, оп. 2, д. 1573
2. РГИА ДВ. Ф. Р-289, оп. 2, д.1573, л. 2

3. Там же, л.л. 5-7
4. Там же, л.л. 10, 10 об., 11, 11 об., 13
5. Там же, л.л. 1-2
6. Там же, л. 26
7. Там же, л. 21
8. Там же, л. 20
9. Там же, л. 1910. Там же, л.л. 16, 16 об., 17,18, 18а

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
С.М. ШИРОКОГОРОВА И ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРА РОССИИ в 30--90-е ГОДЫ ХХ ВЕКА**

БУРЫКИН А.А

Институт лингвистических исследований РАН г. Санкт-Петербург

До недавнего времени имя С.М. Широкогорова в отечественном лингвистическом североведении связывалось в основном с собиранием материалов по тунгусским языкам, которые этот ученый вел до начала 20-х годов. В 1991 году была опубликована его статья "Тунгусский (эвенкийский) литературный язык" написанная в 30-е годы, но в свое время не увидевшая света. Эта статья представляет нам опыт осмысления С.М. Широкогоровым предварительных итогов языкового строительства в России в начале 30-х годов, причем осмысления не столько с лингвополитической или идеологической, сколько с лингвистической точки зрения. В наше время объектом внимания и средством выражения определенных взглядов на данную проблему должны стать и комментаторские заметки по поводу этой работы С.М. Широкогорова, которые любопытны как с точки зрения историографии проблемы литературных языков народов Севера, так и с точки зрения позиции части современных исследователей этих языков.

Теоретические установки 30-х годов в отечественном североведении не делали значительного различия между литературным языком и его опорным диалектом: "В основу литературного языка должен лечь диалект политически и экономически наиболее передовой части трудящегося населения, занимающий по возможности центральную часть территории, обладающий значительной численностью говорящих на нем лиц, и понятный для большинства населения"¹. При этом оговаривалось, что в основе литературного языка должен лежать не обруселый и не наиболее отсталый диалект.² Стоит указать, что в основе выбора диалектной базы для каждого из письменных языков лежали не только названные критерии, а критерии, названные выше, подходили далеко не ко всем языкам народов Севера из тех, для которых создавалась письменность. Чаще всего создатели письменных языков народов Севера все-таки руководствовались не столько соображениями

политического характера, сколько здравым смыслом, и для большинства этих языков выбор диалектной базы для письменного языка оказался правильным.

Для истории науки интересно, а для социолингвистики весьма поучительно то, что и эти теоретические установки, и сами текстовые материалы еще в 30-е годы подверглись весьма критическому рассмотрению со стороны С.М. Широкогорова³. Отметив собственно политические и лингвополитические аспекты создания письменной формы эвенкийского языка⁴, С.М. Широкогоров дает свое понимание письменного эвенкийского языка начала 30-х годов по доступным ему текстам. Однако его работа содержит не столько анализ письменного языка в сравнении с эвенкийскими диалектами, сколько его собственное понимание проблемы эвенкийского литературного языка.

В графико-орфографической стандартизации эвенкийского языка, которая является необходимым условием существования литературного языка, С.М. Широкогоров видит игнорирование вариантности звукового строя отдельных диалектов⁵. И только один этот факт дает ему основание называть грамматику письменного эвенкийского языка "не эвенкийской грамматикой, а грамматикой изобретенного языка"⁶. Можно оставить без внимания ошибочную трактовку автором междиалектных фонетических соответствий; например, регулярная утрата начального [h] в эвенкийских диалектах (как и в эвенских диалектах Камчатки), в названной работе С.М. Широкогорова имеет прямо противоположную трактовку как "аспирация начальных согласных", по его изложению, имеющая нерегулярный характер⁷. Его требование отражать в эвенкийском языке на письме диалектные варианты с соответствиями согласных [g], [v], [w]⁸ можно расценивать как не соответствующее понятию нормы письменного языка, и в силу этого большая часть его критических замечаний в адрес письменного языка эвенков обоснованно может быть взята под сомнение.

Говоря о словарном составе литературного эвенкийского языка, С.М. Широкогоров справедливо отмечает, что словарный состав языка в случае необходимости может быть расширен за счет "эвенкизации" заимствованных слов или создания неологизмов из эвенкийского языкового материала⁹. По его мнению, "Гораздо сложнее адаптировать язык к выражению сложных идей"¹⁰. Затронутые здесь вопросы требуют специального исследования на материале эвенкийского письменного языка, нам же можно признать, что ситуация с эвенкийским письменным языком, о которой писал С.М. Широкогоров, выглядит довольно специфичной. Автор совершенно справедливо рассматривает перспективу развития лексического состава письменного языка, но он не всегда прав в освещении отдельных частных вопросов фонетики и графики, а проблемы морфологии и синтаксиса письменного, "литературного" эвенкийского языка им не затронуты вовсе.

С.М. Широкогоров завершает свою статью словами: «Литературный эвенкийский язык не имеет ни научной ценности, ни какого-либо будущего»¹¹. На эти слова обратила внимание М.М. Хасанова, по мнению которой

письменный эвенкийский язык имеет научную ценность, хотя как "литературный язык" он не имеет будущего¹².

Мы считаем, что, вопреки М.М. Хасановой, основной проблемой в функционировании и развитии письменной формы языков малочисленных народов является не "качество" письменного языка или его графики, а письменность как одна из форм существования данного языка - подтверждением этого являются многочисленные реформы графики языков народов Севера РФ и авторские эксперименты с языком художественной литературы, не дающие положительных результатов ни для одного из северных народов. Вполне возможно, что не имеет будущего не сам письменный язык, а любая форма письменности в активном пользовании на языке меньшинства в условиях невзаимного двуязычия. М.М. Хасанова совершила серьезную ошибку, сказав, что у эвенков литературный язык не имел успеха в распространении¹³. Исследовательница допустила смешение понятий "литературный язык" и "письменность", как корпус письменных документов и понятие навыков активного пользования письменной формой языка. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что на грани лингвополитического неуспеха у многих народов Севера существует как раз письменность как корпус документов и навыки письма на родном языке вообще - что же касается литературного языка в виде образцов новых текстов, то они как раз привлекают внимание говорящих на языке и никак не являются признаком утраты интереса к письменности.

Для нас гораздо более интересным представляется следующий тезис статьи С.М. Широкогорова: "Возможно, эвенкам придется ждать длительное время, прежде чем кто-то из них, или кто-либо посторонний, обратит хорошие образцы эвенкийского языка в письменную форму"¹⁴. В самом деле, становление наддиалектного письменного языка требовало значительного времени - по крайней мере нескольких десятилетий, и только в наше время оно поддается рассмотрению как процесс во временной перспективе. Другое обстоятельство, привлекающее внимание - среда пользования литературным языком, которая для С.М. Широкогорова не обязательно была связана с эвенкийским этносом. Роль авторов первых книг на языках малочисленных народов и переводчиков на языки малочисленных народов как создателей литературных языков определенно недооценивалась не только в 30-е годы, но и недооценивается в наши дни.

Известно, что литературный язык - это не письменный язык, а обработанный язык в устной и письменной формах¹⁵. Отличительная особенность литературного языка применительно к языкам малочисленных народов Севера исходя из особенностей их функционирования - это тождество литературного языка и письменного языка. Однако источник этого тождества заключается не в форме реализации литературного языка вообще, а в отсутствии у этих языков устной формы литературного языка, т.е. отсутствия различных официальных вариантов устного языка, тождества устного языка средств массовой информации и языка устной речи.

Если говорить об истории письменных языков народов Севера РФ, письменная форма которых функционировала наиболее активно, то можно сделать интересные наблюдения. У эвенов литературный язык на основе ольского говора сложился примерно к середине 50-х годов XX века, причем это был настоящий литературно обработанный язык. На самом раннем этапе развития (в букваре 1932 г.) письменный язык эвенов представлял механическую сумму диалектных форм со стандартизацией на уровне орфографии. Во второй половине 30-х годов из письменного языка постепенно устраняются инодиалектные явления, язык письменных текстов приближается к ольскому говору-основе литературного языка, но приобретает индивидуально-диалектные признаки данного говора. В 40-е-50-е годы из письменного языка постепенно устраняются те признаки, которые характерны только для ольского говора и говоров восточного наречия; письменный язык становится наддиалектным на уровне лексики, морфологии и в большой мере синтаксиса. В 60-е годы XX в. создаются предпосылки для создания второго эвенского литературного языка на основе диалектов эвенов Якутии, где формируется свой наддиалектный языковой стандарт на всех уровнях языка - от фонетики и графики до синтаксиса и лексики. В 70-е-80-е годы на основе эвенского письменного (литературного) языка создается собственный письменный язык эвенов Камчатки, имеющий наддиалектный статус (он обслуживает быстринский и олюторский говоры, сходные, но не контактирующие друг с другом).

К началу 50-х годов, как можно судить, постепенно складывался и эвенкийский литературный язык, однако изменение диалектной основы письменного языка и его переориентация с непского говора на говоры Подкаменной Тунгуски создали ситуацию, при которой создание литературного языка должно было начаться заново. Однако, по предварительным оценкам, этого не произошло, поскольку письменный язык эвенков на уровне лексики, морфологии и синтаксиса изменился в незначительной степени.

Уникальной является ситуация с чукотским языком, который по существу не имеет диалектов. И здесь письменный язык сложился к середине 50-х годов, и он представляет собой не только наддиалектную форму, но также несколько "упрощенную" форму языка, грамматический инвентарь которой уже того, который характерен для устного языка. К сожалению, литературный чукотский язык так и не приобрел кодификации норм или хотя бы стандартизации (мы не имеем даже учебника для педучилищ). Ненецкий письменный язык на основе ямальского диалекта оказывает сильное влияние на письменную культуру ненцев других регионов, и, очевидно, здесь можно говорить о появлении литературного языка. Письменный мансийский язык, в основе которого лежит сосвинский диалект, оказался устойчивым и способствовал сохранению данной языковой формации (другие мансийские диалекты сохранились значительно хуже). У хантов письменный язык на основе казымского диалекта не стал литературным: шурышкарские ханты имеют свой письменный язык, а на других диалектах издавалась учебная

литература. Письменные тексты на нанайском языке имеют много диалектных черт и говорить о литературном языке в этой ситуации, похоже, нельзя. Для ряда языков появление письменности на нескольких диалектах (корякский, нивхский, отчасти эскимосский языки) по существу делает безнадежным появление литературных языков.

С.М. Широкогоров был глубоко прав, когда отмечал, что проблема литературного языка - это проблема не только говорящего на нем этноса. Все литературные языки народов Севера РФ создавались при активнейшем участии педагогов, переводчиков и редакторов - специалистов по этим языкам, не являвшихся представителями этих этносов. Можно отметить, что позднее, в 60-е-80-е годы, когда позиции именно этой группы пользователей языков ослабли, это сопровождалось развитием многих негативных явлений в функционировании языков народов Севера. Здесь не последнюю роль сыграло устранение этих языков из межэтнического общения в профессиональных сферах (педагоги, работники СМИ, административный аппарат). Очевидно, возрождение языков народов Севера РФ как языков внутриэтнической коммуникации невозможно в принципе, поскольку русскоговорящие специалисты не только создают престиж пользования данными языками для коренных жителей, если они владеют ими, но и обладают колоссальным потенциалом для повторного воспроизведения письменных текстов, а также для порождения новых письменных текстов самых разных жанров, включая поэтические тексты в экспериментальных формах. Досадно, что данные идеи и существующая практика в наши дни идут вразрез с ментальностью и деятельностью национальной интеллигенции, в среде которой много лет культивировались иные взгляды на родную культуру и родной язык и роль представителей этноса в их развитии.

1. Алькор (Кошкин) Я.П. 1932 - Материалы I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера / Под ред. Я.П. Алькора (Кошкина). Л., 1932. С. 55, 85
2. Алькор, 1932, с. 55
3. Широкогоров С.М. 1991 - S.M. Shirokogoroff. Tungus Literary Language // Asian Folklore Studies, Vol. 50, 1991, p. 35-66.
4. Хасанова М.М. 1994 - <Рец.> S.M. Shirokogoroff. Tungus Literary Language // Asian Folklore Studies, Vol. 50, 1991 // Гуманитарные науки в Сибири, 1994, N 4. С. 74-75.
5. Широкогоров С.М. Указ. раб., с. 43-46
6. Там же, с. 53
7. Там же, с. 52
8. Там же, с. 53
9. Там же, с. 55-56
10. Там же, с. 56
11. Там же, с. 57
12. Хасанова М.М. Указ. раб., с. 75
13. Там же

14. Широкогоров С.М. Указ. раб., с. 56
15. Общее языкознание. Форма, функции, история языка. М., 1970. С. 502

МЕТОДОЛОГИЯ С. М. ШИРОКОГОРОВА И ТРАСПЕРСОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ

ОШУРКОВ М.Н.

Институт этнологии и антропологии РАН г. Москва

Задача данной работы - обосновать принадлежность С.М. Широкогорова к зачинателям того, что можно назвать трансперсональной парадигмой в гуманитарных науках.¹ Разумеется, между становлением трансперсонального направления и временем работы С.М. Широкогорова лежит временной отрезок, по меньшей мере, в 30 лет. Однако это не мешает подходу С.М. Широкогорова относиться, на наш взгляд, к допарадигмальным исследованиям, положившим (пусть и косвенно) начало данному направлению.

Доминирующую в современных гуманитарных науках парадигму можно назвать социологической. Под этим подразумевается, что вся этнокультурная феноменология, в конечном счете, может характеризовать через "ноумен" социальной динамики; при этом (неявно, имплицитно) подразумевается, что единственным продуктивным вариантом такой динамики является становление высокоразвитой техногенной цивилизации европейского типа.² Внутренний мир человека, его взгляд на окружающее в рамках этой парадигмы (в особенности, если речь шла о человеке неевропейской культуры) воспринимаются как "система заблуждений" (но не "система убеждений"), продукт внерефлексивного воздействия объективных сил. Все культуры, существующие или существовавшие за пределами европейской ойкумены, считаются недействительным субъектом исторического процесса, а пассивным объектом воздействия - сначала стихийных сил природы, затем "высокоразвитых" цивилизаций.³ Как о некоей промежуточной формации можно говорить о "психологическом" (опять-таки, название достаточно условно) подходе (З. Фрейд, Э. Фромм и ранний К.Г. Юнг, времен написания "Психологии бессознательного"). Эта концепция уже подразумевала самостоятельность (хотя и не исходную) человеческой психики как некоего начала, которое адаптируется к внешней среде и видоизменяет ее, задавая коды и символы культуры, в свою очередь определяющие поведение индивида, условия групп и социума в целом. Однако для "психологов" психика ограничивалась "эго, закапсулированным в кожу" (Р. Уолш).

В чем отличие трансперсонального подхода? Оставаясь в рамках позитивистской эмпирики, психологи трансперсональной школы исходят из постулата, что "психическое" как отдельного человека, так и любой этно-социальной группы является элементом чего-то гораздо большего, и это "нечто"

выходит за пространственные и временные рамки существования биологической персоны (отсюда и название *трансперсональная*). При этом внесознательные и внеличностные пласты психики отнюдь не редуцируются к вытесненным (или не проявленным) архаическим инстинктам; опять-таки, не задаются и какие-либо догматические рамки для интерпретации трансперсонального опыта.

Первым, так сказать, допарадигмальным специалистом в области трансперсональной психологии можно считать К.Г. Юнга с его концепцией архетипов и коллективного бессознательного. Хотя сам он и не употреблял этого термина, краеугольным камнем его теории и практики как психолога и культуролога было представление об архетипах человеческой психики, формирующих индивидуальное сознание и подсознание. Непосредственное, рационально-дискурсивное восприятие архетипов субъектом невозможно, т. к. рамки и возможность самого дискурса задаются именно архетипами (подобно тому, как субстанциально несуществующая кристаллическая решетка задает форму и сам факт существования кристалла). Их воздействие и формообразование ими индивидуального сознания и бессознательного происходит посредством символов, кодифицированных массовым сознанием - культурой. Источником же архетипов он полагал некое дополнительное, межличностное психическое пространство, которое называл "коллективным бессознательным".

Первым, кто собственно оформил эту концепцию в психологии и дал ей имя, был американский ученый - психолог и психиатр Ст. Гроф. В трансперсональном направлении работают также К. Уилбер, Р. Уолш, Ф. Воон. Показательным случаем применения этой парадигмы в этнопсихологии являются работы Ст. Кrippнера.

Насколько вышесказанное относится к С.М. Широкогову? Он был первым, кто взглянул на феномен шаманизма как на систему взаимодействия "сознание шамана - его бессознательное - коллективная психика рода (т.е. микросоциума, в котором действует шаман)".⁴ Личность шамана открыта воздействию коллективной души, и он добровольно (или под внешним давлением) уступает потоку бессознательного; границы же между бессознательным шамана и коллективным бессознательным его рода, строго говоря, не существует.⁵

С.М. Широкогов учитывал тот факт, что между восприятием мира и воспринимаемым феноменом всегда находится описание мира. Исследователь-этнограф не является "орудием вечной истины", он воспринимает мир лишь в той степени, какую ему обеспечивают культурные коды его психоментального комплекса; кроме того, объект его исследования это не феномен, а эпифеномен, не мир в объективной данности, но мир, который создают "психоментальные комплексы исследуемых этносов".⁶

Этнологу, считал Широкогов, жизненно необходимо воспринимать "изнутри" картину мира изучаемой группы, стремиться именно с этой точки зрения интерпретировать факты и закономерности ее жизни.

Трансперсональная психология принадлежит к числу так называемых "эмпирических"⁷ направлений в психологии и психотерапии. Изучение психических процессов только извне, без прямого переживания и восприятия считается в этой дисциплине неполным.⁸ Подобный подход привел к тому, что во многих состояниях сознания, которые традиционная психиатрия однозначно классифицировала как патологию, был обнаружен мощный целительный потенциал.

С.М. Широкогоров, оценивая личность, роль и поведение шамана в рамках культурного комплекса его (шамана) социума, писал о научной некорректности исходного отношения к фигуре шамана как к психически неуравновешенному фокуснику, напротив, он подходил к шаманской практике как к чему-то действительно и эффективно - пускай механизм действия не до конца понятен.⁹

Таким образом, у нас есть основания говорить (разумеется, пока лишь исключительно в дискуссионном плане) о сходстве некоторых взглядов С.М.Широкогорова и трансперсональной парадигмы.

1. Разумеется, здесь мы прибегаем к наиболее "гибким" дефинициям термина "парадигма", не вдаваясь в герменевтику. Итак, парадигма для нас - базовая теоретическая основа исследований в данной научной области, общепризнанная научным сообществом и задающая некие (опять-таки, самые общие) стандарты научной работы.

2. См.: Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного: трансперсональные состояния и психотехника. СПб, 1997, с.10-12; Винокурова Л.И. К истории уклада жизни тунгусов Якутии // Музыкальная этнография тунгусо-манчжурских народов. Якутск, 2000, с. 84.

3. Даже М. Элиаде, использует как общепонятный термин "этнографическая стадия развития общества" (М. Элиаде, 1996, с. 79)

4. Широкогоров С.М. Опыт исследования шаманства у тунгусов. Владивосток, 1919, с. 38-42 и след.

5. Широкогоров С.М. Указ. соч., с. 44-46

6. Мюльманн В. С.М. Широкогоров. Некролог. (С фотографией и письмами) // Этнографическое обозрение. 2001 (в печати)

7. Буквально: "experiential", т.е. "опытная", опирающаяся на личный опыт, познание ситуации "изнутри". Подробнее см. Гроф Ст. За пределами мозга. М., 2000, с.47, 336, 373-382.

8. В этом смысле трансперсональная школа сродни фрейдовской и юнгианской: и там и там будущему специалисту (будь то практик-психотерапевт или же исследователь-теоретик) в процессе образования необходимо пройти полный курс анализа.

9. Широкогоров С.М. Указ. соч., с.3, 39, 42-43, 51. Любопытно, что Ст.Гроф, говоря о культурной обусловленности понятия психической нормы, выбрал для примера именно фигуру шамана: "Опыт и поведение шаманов, индийских йогов и саддху (святых отшельников) или духовных искателей других культур по западным психиатрическим стандартам следовало бы

диагностировать как явный психоз. И наоборот, ненасытное честолюбие, иррациональные побуждения к компенсации, технократия, современная гонка вооружений, междуусобные войны, революции и перевороты, считающиеся нормой на Западе, рассматривались бы восточным мудрецом как симптомы крайнего безумия. Точно также, нашу манию постоянного прогресса и "неограниченного роста", наше отрицание космических циклов, загрязнение жизненных ресурсов (воды, почвы и воздуха), превращение в бетон и асфальт тысяч квадратных миль земли в таких местах как Лос-Анжелес, Токио или Сан-Пауло, американский или мексиканский индеец-шаман посчитал бы чудовищной несообразностью и опасным массовым безумием." (Гроф Ст. Указ соч., с. 323)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГИПОТЕЗУ С.М. ШИРОКОГОРОВА О ЮЖНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ТУНГУСОВ*

ПЕВНОВ А.М.

Институт лингвистических исследований РАН г. Санкт-Петербург

Среди возможных решений так называемой тунгусо-маньчжурской проблемы особой оригинальностью отличается гипотеза, предложенная С.М. Широкогором¹. Как известно, она сводится к тому, что древняя родина тунгусов (так С.М. Широкогоров называет народы, говорящие на тунгусо-маньчжурских языках) находилась далеко на юге, где-то в бассейне р. Хуанхэ. Аргументация С.М. Широкогорова многим показалась неубедительной, а выводы чересчур смелыми, и эту гипотезу, как правило, просто игнорируют.

Однако, как бы ни относились к ней этнографы и антропологи, она нуждается и в лингвистической проверке, поскольку язык может хранить следы очень древних миграций, этнических и культурных контактов.

Если бы предки современных тунгусо-маньчжурских народов действительно мигрировали в далеком прошлом откуда-то из внутренних районов Китая, то очень вероятно. Что они были бы в контакте с предками нынешних ханьцев, а это непременно нашло бы какое-то отражение в языке – скорее, конечно, в тунгусо-маньчжурском праязыке, чем в архаическом китайском.

В собственно тунгусских языках (если не принимать в расчет языки элуньчунь и эвэнька на территории северо-востока КНР) китайского влияния не обнаруживается вообще; например, в эвенкийском или эвенском нет ни ранних, ни поздних заимствований из китайского. В тунгусо-маньчжурских языках бассейна Нижнего Амура и Сахалина в весьма ограниченном количестве имеются лексические китаизмы, но они относятся в основном к недавнему времени. Иначе обстоит дело с китайским влиянием на средневековый чжурчженьский и близко родственной ему маньчжурский языки.

Что касается последнего, то степень его китаизации явно преувеличивалась дореволюционными востоковедами. Впрочем, иллюзорные основания видеть в маньчжурском большое количество заимствований из китайского давал сам китайский язык с его оригинальным силлабоморфным строем, при котором общее количество слогов сравнительно невелико, причем каждый слог передает определенную семантику, что в совокупности представляет богатые возможности для конструирования мало-доказательных, а нередко просто фантастических этимологий. Разумеется, китаизмы в маньчжурском языке есть, но их несравненно меньше, чем в корейском или японском языках. Однако, самое главное заключается в том, что в маньчжурском все это представляет результат позднего китайского влияния, ни в коей мере не претендующего на праязыковый уровень, т.е. на уровень далекого по времени гипотетического общего предка всех тунгусо-маньчжурских языков.

Чжурчженьской лексики известно в настоящее время раз в десять-пятнадцать меньше, чем маньчжурской. Тем не менее можно с уверенностью говорить о том, что и в нем китаизмы были, так сказать, свежими, т.е. не древними. Короче говоря, древних прямых китаизмов (т.е. слов, заимствованных непосредственно из китайского) ни в чжурчженьском, ни в маньчжурском, ни в остальных тунгусо-маньчжурских языках нет. Иными словами, в пратунгусо-маньчжурском языке китаизмов не было. Что касается очевидных, бесспорных заимствований в этом гипотетическом языке, то таковыми можно считать только монголизмы. Влияние прамонгольского языка на пратунгусо-маньчжурский язык было длительным и глубоким. Не будет ошибкой сказать, что нет на свете языков, которые были по форме и «по духу» ближе к тунгусо-маньчжурским, чем монгольские. Как интерпретировать эту близость – генетическую и/или ареально – вопрос особый и пока неразрешимый.

Итак, в пратунгусо-маньчжурском языке заимствований из архаического китайского или древнекитайского не было, но были лишь заимствования из прамонгольского. Служит ли это основанием для отрицания гипотезы С.М. Широкогорова? В определенной степени да. Но тут встает самый коварный вопрос, касающийся несуществующих уже языков. Кто знает с какими исчезнувшими языками контактировал пратунгусо-маньчжурский и какой след они в нем оставили? Объем неэтимологизирующей общетунгусо-маньчжурской лексики значителен и вполне может быть, что в ней таятся секреты древних удивительных языковых контактов. Так что лингвистический материал не подтверждает гипотезу С.М. Широкогорова о южном происхождении тунгусов, но и не опровергает ее.

*Статья написана при финансовой поддержке РФНФ (проект № 00-04-00051а).

1. Shirokogoroff S.M. Social Organization of the Manchus: a study of the Manchu clan organization. Publications of NCBRAS, Extra Volume 3. Shanghai. 1924

О ПИСЬМАХ С.М. ШИРОКОГОРОВА К В.М. АЛЕКСЕЕВУ

РЕШЕТОВ А.М.

Музей антропологии и этнографии РАН г. Санкт-Петербург

С.М. Широкогоров был знаком с В.М. Алексеевым еще по Петрограду. Известно, что в 1917 г. он принимал участие вместе с монголоведом и тибетологом Б.Я. Владимирцовым, корееведом и японистом Н.И. Конрадом в научных дискуссиях на квартире у почтенного синолога. В.М. Алексеев по просьбе Л.Я. Штернберга в 1926 г. в Шанхае посетил квартиру С.М. Широкогорова, хотел с ним встретиться для беседы, но, к сожалению, не застал его дома. Дело в том, что в 1922 г. вольно или невольно С.М. Широкогоров остался в Шанхае, и российские ученые пытались выяснить его дальнейшие планы. Очевидно, первоначально он еще не сделал выбор, у него не сформировалось окончательного решения, и он не давал четкого ответа на вопросы о его возвращении на родину, где его ждало место антрополога Академии наук в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН. Однако он регулярно посылал в Петроград-Ленинград новые свои работы. С нимизнакомился и В.М. Алексеев, который в своем письме, написанном в 1927 г., дал лестную оценку трудам С.М. Широкогорова. К этому времени прекратилась переписка С.М. Широкогорова с Л.Я. Штернбергом, поскольку ленинградский этнограф в 1924 г. в письме своему бывшему ученику о его работах отозвался не лучшим образом ("увы, все это провинциальщина"). Очевидно, С.М. Широкогоров обиделся, не ответил на письмо, и переписка, а вместе с нею и связь с российской столичной наукой прекратилась. А он был в высшей степени заинтересован в получении информации о научной жизни в Советской России, будучи убежденным в высоком потенциале отечественной науки, его в не меньшей мере интересовала старая и новая научная литература с родины.

Поэтому письмо В.М. Алексеева к нему, да еще с высокой оценкой результатов его исследований, явилось спасительной возможностью продолжать связи со старыми коллегами. Ответное письмо С.М. Широкогоров отправил из Амоя (Сямэня) 6 октября 1927 г. Поблагодарив за лестный отзыв, и, узнав, что его труды получают в Академии наук, успокоился: ведь он уже предполагал прекратить дальнейшую присылку своих новых выходящих работ. Так началась переписка, длившаяся с сентября 1927 г. по сентябрь 1932 г. Ныне она хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, (фонд акад. В.М. Алексеева) и состоит из 18 писем и 5 конвертов, всего 55 листов¹.

Сведения, содержащиеся в письмах, представляют исключительный интерес для истории науки. Интересующиеся жизнью С.М. Широкогорова в Китае получают точные данные о его последовательном пребывании в Шанхае (1922-1926), Амое (1926-1928), в Кантоне (Гуанчжоу) (1928-1930), Пекине (с 1930). С.М. Широкогоров, по его сообщению, был избран членом Академии наук Китая (Чжунъян яньцзю юань) для исследовательской работы, и в связи с этим он из Сямэня перебрался в Гуанчжоу, где возглавил департамент

антропологии Института языка и истории. В 1928 г. он совершил крупную экспедицию в провинцию Юньнань, вместе с ним работали под его руководством известные потом молодые китайские этнографы Ян Чэн-Чжи, Чэнь Цзя-У и др. Это были самые первые в истории китайской науки полевые этнографические исследования. На юге Китая проф. С.М. Широкогоров изучал разные группы китайцев, мяо, яо, лоло (и) и др.

В письмах содержатся интересные сведения о русских ученых-эмигрантах Е.М. Чепурковском, Н.Д. Миронове, В.В. Голубеве, о его коллегах в России, в частности, Л.Я. Штернберге, Б.Э. Петри, Б.Я. Владимирцове, о китайских и зарубежных ученых - историках, лингвистах, психологах и т.д. Материалы писем позволяют установить хронологию написания работ С.М. Широкогоровым, в том числе неизданных. К работе по написанию своей основной монографии "Психоментальный комплекс тунгусов" он приступил уже осенью 1928 г., хотя планы ее написания вынашивал раньше. Издана эта работа в Лондоне на английском языке в 1935 г. Свою монографию "Социальная организация северных тунгусов", написанную по-английски и переведенную Е.Н. Широкогоровой на русский язык для издания по-русски (что, к сожалению, не состоялось), он считал примером применения на практике своей теории этноса.

Определенное место в письмах занимает постоянная тема получения необходимой литературы из России. Поражает круг запрашиваемой литературы по разным разделам языкознания, этнографии, востоковедения и т.д. Особенно его интересовали издания Ленинградского Восточного института. Кстати, названия советского времени в письмах отсутствуют, что важно для понимания политических взглядов ученого.

Исключительный интерес представляют пространно излагаемые точки зрения С.М. Широкогорова по конкретным научным проблемам. Естественно, что в переписке с синологом акад. В.М. Алексеевым ведущее место занимают спорные проблемы китаеведения. В частности, С.М. Широкогоров неоднократно возвращается к теме формирования и развития китайского языка и китайского этноса. Он считал, что никогда не существовало единого гипотетического китайского праязыка. Так, в письме от 20 февраля 1929 г. он написал: "Мне думается, что такого никогда не существовало, так как фукияньские, кантонские и прочие суть иные языки людей, которые только выучились китайскому (иероглифы и мандаринский)"². В письме от 1 июня 1929 г. он утверждает, что разные группы китайцев в антропологическом отношении - метисы и антропологические смеси образовывались может быть до формирования китайского языка и особенно его диалектов³. С.М. Широкогоров считал, что еще во времена конца династии Чжоу (3 в. до н.э.) вся страна к югу от реки Янцзы была заселена людьми не китайского комплекса. Его занимала и проблема родства самых разных языков. Так, в письме от 1 ноября 1927 г. он писал: "Не есть ли все родство "китайско-тибетско-сиамско-бирманской" семьи явление диффузии этой своеобразной особенности, переработанной на не-китайской фонетической почве"⁴. Именно так случилось с народами, заимствовавшими китайский язык (диффузия) в

результате приспособления китайской особенности к своей собственной фонетике и письменности.

Научные позиции создавали С.М. Широкогорову немалые трудности в Китае, что доводило его вплоть до размышлений об отъезде из страны. В письме от 26 августа 1930 г. он откровенно признавался В.М. Алексееву: "Мои теории на счет смешанного характера китайцев в последнее время встречают сильную оппозицию, в тех кругах, которым хочется видеть Китай "единым"... Посему мое внимание стараются оттянуть в сторону университетской деятельности"⁵. А преподавать, как известно, С.М. Широкогоров не любил.

Ученого интересовал конкретный механизм распространения и заимствования культурных явлений. В письме В.М. Алексееву от 17 июля 1931 г. он написал: "Культурные явления в сильной степени распространяются путем имитации и могут быть, так сказать, "заразительны", поражая совершенно "здоровые" этносы".⁶

Приведенные соображения и примеры позволяют сделать определенный вывод о научной ценности писем С.М. Широкогорова к В.М. Алексееву. В настоящее время мною готовится научное издание их с комментариями.

В заключение подчеркну, что С.М. Широкогоров, находясь вдали от крупных научных центров Европы и Америки, старался возместить отсутствие прямого общения для обсуждения волновавших его вопросов активной перепиской с широким кругом коллег. Мы должны быть благодарны акад. В.М. Алексееву, что он в непростое время сумел сохранить этот ценный для истории науки источник - письма к нему профессора С.М. Широкогорова.

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 820, оп. 3, д. 880
2. Там же, л. 22
3. Там же, л. 28
4. Там же, л. 3
5. Там же, л. 32
6. Там же, л. 46

С.М. ШИРОКОГОРОВ О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИНЫ У СЕВЕРНЫХ

ТУНГУСОВ И МАНЬЧЖУР ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ФАДЕЕВА Е.В.

Институт истории ДВО РАН Владивосток

События и явления середины XX столетия: сексуальная революция конца 60-х гг., феминизация мужчин и маскулинизация женщин, легализация проблем сексуальных меньшинств и т.д., привели к смешениям и смещениям традиционных гендерных представлений. Последние, в свою очередь, дали толчок развития гендерным исследованиям, в которых мужчины и женщины рассматриваются не с точки зрения биологического пола, а с точки зрения

социальных отношений, где любое различие или разделение находятся в системе строгих иерархических и доминирующих отношений. Результатом развития подобных исследований является всплеск научных работ по вопросам изучения социальных статусов мужчины и женщины как в традиционном обществе, так и в современном социуме.

Не обошел вниманием в свое время эту проблему и один из выдающихся ученых прошлого, чье научное наследие сегодня получило широкий общественный резонанс, С.М. Широкогоров.

В основу данного сообщения были положены материалы исследователя, находящиеся в архиве Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамеры) г. Санкт-Петербурга.¹ Отметим, что особую ценность представляют сравнительные данные по тунгусо-маньчжурским, маньчжурским и северо-тунгусским народам Дальнего Востока.

Так повелось, что семья всегда состояла из двух активных членов – охотника-мужчины и работницы-женщины, причем, мужчины играли в ней активную, главную роль, а женщины – пассивную, второстепенную. Исходя из последнего, многие исследователи (Лопатин, Браиловский и др.) усматривали в этом подчиненное, униженное положение женщины, поскольку она была отстранена от общественной жизни рода.

С.М. Широкогоров смотрел на эту проблему шире. Он подчеркивал, что подобное разделение ролей у разных народов отражало практическую оценку относительной полезности мужчины и женщины в той или иной сфере деятельности. Так, ряд физических, физиологических и психологических особенностей делали женщину менее приспособленной для охоты, она чаще рисковала пасть жертвой зверя, что накладывало на мужчину дополнительные обязанности по обеспечению ее безопасности, тем самым затрудняя процесс охоты. Кроме того, необходимость кормить своих детей в течение долгих лет деторождения требовало, чтобы женщина оставалась с детьми дома. Такое же ограничение других видов труда имело место вследствие ее относительной физической слабости. Таким образом, подчеркивал исследователь, разделение труда в семье представляло женщине подходящую для ее сил работу; в то же время женщина ограждалась мужчиной. В связи с этим, каждый член семьи был относительно независим в своей сфере деятельности и не старался лезть в дела другого. Интересно отметить, что согласно представленному материалу, у северных тунгусов подобное разделение труда соблюдалось не так строго, как у маньчжур или тунгусо-маньчжуров. У первых, если женщина заболела или была не в силах выполнять требующуюся работу, муж помогал ей во всем, за исключением обязанностей, требующих специальной сноровки, вроде выделки шкур, шитья, а также ухода за маленькими детьми.² По иному обстояло дело у второй группы народов. Кроме того, что мужчину, исполняющего женскую работу, поднимали на смех и осуждали, у них разделение труда имело еще и религиозно-мистическую окраску. Считалось, что, если женщина прикоснется к орудиям труда мужчины, они тут же потеряют свою промысловую удачу. Аналогичный запрет существовал и для мужчины относительно женских вещей.

Помимо этого, еще три момента в жизни женщины создавали ее обособленное от мужчины положение: 1) женщина менструирует, что считалось чем-то опасным; 2) женщина не принадлежала к клану своего мужа, и иногда имея собственных клановых духов, могла тем самым создать угрозу мужу и его родне; 3) женщина должна рожать детей.³

Женская кровь всегда представлялась вещью могущественной и опасной, в связи с чем вся жизнь женщины распадалась как бы на три периода: деторождение, период менструации и период, когда менструация прошла и женщина лишь частично находится под запретом. В связи с этим ей приходилось постоянно соблюдать различные запреты, которые варьировали в зависимости от того, в каком положении она находилась в данный момент.

Так, всем женщинам запрещалось садиться под «помещением» для духов, на почетное место в жилище – «малу»; ей не позволялось ездить на лошадях или оленях, а также быть собственницей этих животных, так как они иногда выступали посредниками между людьми и духами. Эти запреты были связаны с представлениями о разных духах, вселяющихся в мужчин и женщин.

На менструирующих женщин налагались табу, касающиеся охоты и рыбной ловли, для того, чтобы не спугнуть запахом крови чуткого зверя и не отвести удачу от охотника. Помимо этого им запрещалось сидеть на еще не вполне обработанной шкуре, употреблять в пищу мясо тигра и медведя, и т.д.

Беременным, а также роженицам, еще не прошедшим после родов обряда очищения, не разрешалось присутствовать при каком-либо жертвоприношении или шаманском обряде; нельзя было вступать в половые отношения ни со своим мужем, ни с другими мужчинами. Шаманкам, находящимся «в положении» или в периоде менструации, запрещалось общаться с какими-либо духами, а следовательно – шаманить. Все эти запреты были направлены на то, чтобы укротить чуждых для клана мужа духов жены, нейтрализовать их, предотвратив тем самым, противостояние мужских и женских духов.⁴ Таким образом, люди избегали женщину не вследствие ее подчиненного положения, а для того, чтобы уйти от зловредной деятельности ее духов.

Общий вывод С.М. Широкогорова о положении женщины заключается в том, что роль женщины носила второстепенный характер, так как общество основано на преимущественной роли мужчины в нем. Все же внешние знаки уважения к женщинам, обычаи, разрешающие последним принимать участие в обсуждении важных вопросов, матрилинейная система родства, даже формальное возглавление кланов женщинами и т.п., не обуславливали для них реального, действенного общественного контроля, и наиболее важные вопросы (защита рода, определение его внутренних и внешних отношений) всегда решались мужчинами.⁵ Этим и подчеркивалась пассивная роль женщины, но отнюдь не ее подчиненное, униженное положение.

1. Архив МАЭ РАН, ф. К-2, оп. 1, д. 214, 126 л.; д. 216, 323 л.; д. 217, 307 л.

2. Архив МАЭ РАН, ф. К-2, оп. 1, д. 217, л. 29.

3. Там же, л. 34.

4. Там же, л. 38.

5. Архив МАЭ РАН, ф. К-02, оп. 1, д. 214, л. 44

ТАЙНА ШАМАНСКОЙ МИСТЕРИИ **(гипотеза с позиции физико-психологической антропологии)** **ХАРИТОНОВА В.И.**

Институт этнологии и антропологии РАН г. Москва

Шаманская практика изучается на основе анализа феномена шаманского суперсенситивного знания и экстрасенсорных возможностей, исходя из следующих постулатов: 1) суперсенситивные и экстрасенсорные свойства человека – особые психо-физиологические качества, присущие живому на Земле, 2) Homo sapiens, обладая мыслительными способностями, имеет возможность использовать эти свойства, управляя работой собственного мозга, 3) последнее достигается психофизическими тренингами, случайно обретается под воздействием психических либо физических травм или является врожденным. Исследование базируется на широком спектре современного научного знания (от физики и биофизики до практической психологии и этнографии). Основы концепции изложены в предшествующих трудах автора¹.

С.М. Широкогоров – один из интереснейших интерпретаторов феномена шаманизма – считал, исходя из известного ему материала, что важнейшим свойством шамана является способность “воспринимать в себя духов”, “свободно распоряжаясь ими” (в отличие от обычных людей) и “произвольно отпустить из своего тела свою собственную душу (дух)”². Эти две в значительной степени различающиеся шаманские техники – *вселение духа* и *выход из тела* – требуют серьезного интердисциплинарного исследования. На основе их разделения невозможно дифференцировать шаманов и не-шаманов, что встречается в западной науке³, как невозможно и определить, какая техника первична, а какая вторична в пределах шаманизма.

При нереальности четкой характеристики психофизиологического спектра использования каждой из техник в настоящий момент, попробую прокомментировать, насколько это возможно, процесс шаманской работы в целом на основе подробных описаний этнографической стороны, данных С.М. Широкогоровым⁴, что в целом известно и по другим источникам.

Техники рассчитаны на различные способы контакта с “тонким миром” (по разной терминологии – Информационным Полем, Сверхсознанием, Абсолютом и т.д.): *выход из тела* обеспечивает “путешествие сознания” ради получения информации, т.е. – суперсенситивное восприятие (не исключено, в случаях ложного восприятия ситуации при отсутствии “выхода”, появление состояния фантазирования или творческого моделирования⁵); *вселение духа* позволяет, согласно заверениям информаторов, оказывать экстрасенсорное

воздействие, точнее – информационно-энергетическое (не исключен вариант экстрасенсорного моделирования⁶).

Вместе с тем, *вселение духа* рассматривается адептами как универсальное состояние: “дух” обладает знанием (суперсенситивный компонент) и возможностями воздействия (экстрасенсорный компонент). С психофизиологической точки зрения субъект, инкорпорировавший духа, предоставил ему свое тело, предварительно “выселив” из него свой собственный “дух”: шаман, обладающий навыками инкорпорирования, видит со стороны происходящее с его телом и не воспринимает “работы вселившегося духа”; по возвращении в тело он ничего не может сказать о моменте “работы духа”.

Можно предположить, что техника *вселения духа* вызывает отключение работы сознания или перевод его в столь глубокую фазу ИСС (измененного состояния сознания), при котором сохраняется только контрольная функция входа/выхода из состояния. Эта техника, очевидно, максимально приближена, с одной стороны, к обычному сну, с другой стороны, ко сну гипнотическому, когда помощник выполняет частично роль оператора-гипнотизера (при автоходе/автовыходе в состояние и из него). Загадка ее может быть сопряжена с открытием тайны сноговорения, что воспринималось в том числе как пророчество, и специфической внушаемости в определенных стадиях сна.

Не исключено, что такой тип работы в ИСС отводит помощнику более значительную роль, чем кажется на первый взгляд. С.М. Широкогоров специально отмечает важность наличия постоянного помощника. Помощник, судя по всему, обладая способностями экстрасенсорного плана, использует психику и мозг шамана как а) ретранслятор информации и б) усиливающее экстрасенсорное устройство. Высказанная гипотеза требует проведения специальных экспериментов по нейрофизиологическому и психосенсорному обследованию лиц, владеющих соответствующей техникой погружения в ИСС и работы в ней.

Техника *выхода из тела* тоже связана с очень глубокой стадией погружения в ИСС, близкой к естественному сну. Она сопряжена с понятием транса, ярко проявляющегося на психическом и физическом уровнях, и временным сноподобным оцепенением. Спонтанные же *выходы из тела* обычно приурочены к моменту засыпания или просыпновения.

Скорее всего, названные техники – древние, как и сам шаманизм. Их возникновение и внедрение в практику могло осуществляться на основе использования естественных аналогий со сном и сноподобными состояниями. Одним из аргументов в пользу этого может быть описание состояния шамана за несколько дней до камлания: а) упадок сил, чувство неудовлетворенности, повышенная возбудимость, б) далее начинает сниться нечто страшное и непонятное или же “духи” являються сами, обычно во сне, в) что вызывает серьезные психофизиологические явления: дрожь, тремор⁷, ритмичное раскачивание, г) пение⁸. Последнее – открытие творческих каналов – стимулирует дальнейшее погружение в ИСС и вызывает то состояние, которое (несколько некорректно) именуется обычно “самогипнозом”, а у

С.М. Широкогорова обозначается описательно как состояние “*сознательного невладения собой*”, за чем автор совершенно закономерно усматривает ситуацию, когда “*подсознательная сфера ... оттесняет сознание*”.

Любая шаманская и не-шаманская техника связана с особенностями работы мозга. Современная нейрофизиология, имея возможность при топографическом картировании мозга зафиксировать изменения его ритмов, убедительно демонстрирует, что осуществление суперсенситивной и экстрасенсорной работы требует: а) активизации одних зон при затухании активности других и б) затухания одних ритмов при возобладании других⁹. Можно предположить (!исключительно в варианте рабочей гипотезы к разработке методики анализа и эксперименту), что *выход из тела*, невзирая на снопоподобность состояния при внутренней психической активности, даст картину практического отсутствия ритма, что бывает при очень глубоких медитациях, а *вселение духа*, при внутреннем психическом отключении и максимуме внешних проявлений “инога духа” – позволит фиксировать ритмику, свойственную экстрасенсорной работе. Предположение основывается на известном соотношении энергии/информации (в энергоинформационном понимании): чем выше уровень энергии, тем ниже уровень информации, и наоборот (ср. классический пример медитации). Не исключено, что нейрофизиологическая картина *вселения духа* будет значительно более сложна и даже разнообразна по своим проявлениям.

Таким образом, тайна шаманской мистерии, высшая алгебра которой была раскрыта С.М. Широкогором, в настоящее время может быть разложена уже на свои арифметические составляющие с помощью нейрофизиологов, психологов и биофизиков.

За пределами обсуждения сознательно оставлена проблема “энергетических сгустков” (по различной терминологии: фантомов, духов, сущностей, лярв и т.д.), которые “просматриваются” ясновидящими во время камланий и даже порой фиксируются с помощью современной аппаратуры. Этот феномен также имеет свое достаточно прозрачное объяснение.

1. Харитонов В.И. Народные магико-медицинские практики: традиция и современность. Опыт комплексного и системно-феноменологического исследования. Дисс. в виде научного доклада д.и.н. М.: ИЭА РАН, 2000; Её же. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. Ч. 1-2. М.: ИЭА РАН, 1999 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т.3); Её же. Шаманская болезнь российских колдунов // Материалы международного конгресса “Шаманизм и иные традиционные верования и практики”. Ч.2. М.: ИЭА РАН, 1999 (Этн. Исследования... Т.4); Её же. Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство. М.: ИЭА РАН, 1995 (Российский этнограф. Вып.23) и др. работы автора.)

2. Широкогор С.М. Опыт исследования основ шаманства тунгусов. Владивосток, 1919, с.14.

3. Криппнер Ст. Призвание – исцелять: элементы шаманизма в практике бразильских духовных целителей // Шаманский дар. К 80-летию доктора исторических наук Анны Васильевны Смоляк. М.: ИЭА РАН, 2000, с. 120-146 (Этнологические исследования... Т.6).

4. Широкогоров С.М. Опыт... С. 37-38.

5. Харитонов В.И. “Не в воле человека стать шаманом”? // Шаманский дар... С. 312-337.

6. Харитонов В.И. “Не в воле...”

7. Специальное исследование этого психофизического проявления (вслед за С.М. Широкогоровым) предпринял итальянский этнолог Р.Матсроматтеи, см.: Mastromattei R. Tremore e potere. Milano, 1995; Его же. Синдром тремора как признак шаманского призвания и квалификации // Материалы международного конгресса “Шаманизм...”. С.175.

8. Широкогоров С.М. Опыт... С. 37.

9. См. специальные работы, напр.: Васильева Г.Н. и др. Исследование состояния мозга методом функционального топографического картирования // Сознание и физический мир. Вып.2. М.: МИТПФ РАЕН, 1997, с. 46-54; Стрелец В.Б., Голикова Ж.В. Картирование мозга испытуемых, находящихся под воздействием экстрасенса // Там же, с. 54-67; Коёкина О.И. Трансформация активности мозга в реализации виртуального сознания // Там же, с. 88-99.

ОБ ОСНОВАНИЯХ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XX ВЕКА*

БЕРЕЖНОВА М.Л.

Омский государственный. Университет Омск

Внимание к проблеме этничности характерно для современной этнографии. Работы хватает всем заинтересованным лицам, поскольку, как любой социальный феномен, этничность может быть рассмотрена и рассматривается с разных точек зрения. Этот доклад подготовлен по материалам, собранном среди русских сибиряков в 1998-2000 гг. на территории Западной Сибири. В центре исследования находился вопрос о том, какие характеристики важны русским сибирякам для определения своей этнической принадлежности. Следуя традициям российской этнографии, экспертами в этом вопросе мы посчитали русское сельское население.

По специально составленной программе были опрошены сельские жители трех западносибирских областей: Омской, Новосибирской и Тюменской, всего - 424 человека из 43 населенных пунктов. Чаще всего на вопросы опросного листа мы просили ответить пожилых людей, обращались к тем, кого местные жители считали хранителями традиций

Таблица 1.

Характеристика опрошенных по возрасту

Годы рождения	Абсолютное число опрошенных	В % к общему числу опрошенных
1900-1910	76	17,9
1920-1930	258	60,9
1940-1950	61	14,4
1960 и позже	29	6,8
Итого	424	100

Использующийся в исследовании опросный лист содержит два блока вопросов, один из которых, по замыслу авторов¹, ставит опрашиваемого перед необходимостью объяснить, чем отличаются друг от друга люди разных национальностей, а другой направлен на выяснение мнения респондента о том, все ли русские одинаковы. Кроме того опросной лист включает вопрос о том, как, по мнению отвечающего, передается этничность. Предваряя все выводы, речь о которых пойдет позже, выражу то стойкое мнение, которое сложилось у меня уже давно и которое подтвердил проведенный опрос. Проблемы этнического в целом и определения и самоопределения в частности русским сибирякам не интересны. Многих удивляли задаваемые вопросы и, отвечая на них, люди говорили: "Об этом я не задумывался", "Да какая разница!" и сакраментальное "Был бы человек хороший!". Между тем, собранные данные позволяют охарактеризовать те основания, которые учитывают русские сибиряки в процессе этнической самоидентификации.

В чем же, по мнению респондентов, отличаются люди разной национальности? Наиболее популярными ответами были - внешностью и языком. Язык как критерий различия русских и нерусских для некоторых абсолютен. Приведем только одно мнение: "Русских трудно отличить, ведь русский язык знают все." В регионе, где живут люди разного вероисповедания, религия для многих - этноразделительный признак. Указывая на веру как границу между народами, многие имели в виду не только мусульманство, но и различные христианские конфессии. По этому признаку представителями другого этноса оказывались для некоторых наших собеседников и кержаки (староверы). Неоднократно встречалось такое решение проблемы, как отличить русских от нерусских: "Так ведь у них фамилии нерусские!" Однако 8 раз встретился и такой ответ: "Нет никакой разницы между людьми разных национальностей", 17 раз ответили "не знаю".

Далее предлагался вопрос о том, одинаковы ли все русские. Он разбивался на две части: есть ли у сибиряков отличия от русских Европейской России и все ли русские в Сибири одинаковы. Следуя по уже выработанной методике ответа, респонденты начинали сопоставлять известные им факты и отмечали, что сибиряки говорят иначе, у них более стойкий характер, они не боятся мороза. В итоге получилось, что за единство всех русских и целостность русского народа, выражаясь высоким стилем, выступил 101 человек (23,8% опрошенных), сочли, что русские сибиряки чем-то отличаются - 177 человек

(41,7%) и ответили, что не знают или не задумывались - 146 человек (34,5 %). Рассуждая на тему, одинаковы ли русские сибиряки, 244 человека (57,5 %) сказали, что знают разные группы русских и назвали их особенности. 92 человека (21,7 %) посчитали, что русские в Сибири составляют некоторую целостность. Воздержались от высказывания какого-либо определенного мнения 88 опрошенных (20,6 %).

Еще большее разногласие мнений наблюдалась при ответе на вопрос о том, как передается этническая принадлежность. Варианты ответа "по отцу" и "по матери" выбрали большинство отвечавших. При этом чаще встречался ответ "по отцу", некоторые респонденты указывали на необходимость учитывать этническую принадлежность обоих родителей, но неоднократно встречались и случаи "матриархата", когда респонденты признавали основанием для выбора исключительно национальность матери. Более молодые респонденты, особенно в группе 1960-1970 гг. рождения считали, что этническую принадлежность можно выбрать по собственному желанию.

Часто люди затруднялись с ответом, поскольку считают себя метисами или, как сказала одна женщина, "мешанками". При этом в большинстве случаев имеют в виду, что их родители были выходцами из разных групп русских. Называли в ходе опроса основаниями выбора национальности родной язык и внешность, что аналогично ситуации с выделением этноразделительного признака. Большое значение, по мнению информаторов, имеют для определения национальности место рождения и место жительства. По этому признаку даже составила немногочисленная группа русского населения - "родчие" (то есть здесь родившиеся), в которую вошли около 1 % опрошенных. Кроме того встречались и такие варианты ответа: "как власть решит" и "могли раньше в церкви решить".

Наиболее четко основания этнической идентификации проявляются при ответе на вопрос об этнической принадлежности опрашиваемых. Всего 424 человека назвали 31 группу, к одной из которых отнесли и себя. Только русскими ("просто русскими") назвали себя 112 человек (26,4 % опрошенных). Людей с многоуровневым этническим самосознанием, таким образом, оказалось 73,6 %. Чаще всего опрошенные относили себя к чалдонам и сибирякам. Кержаков набралось всего 10 человек (2,4 %). Суммарное число российских по результатам опроса - 12,5 %, но многие (8,5 %) предпочли конкретизировать свою группу, назвав себя хохлами, смоляками, рязанскими, лопотонами и другими именами. Чем старше люди, тем чаще, называя свое этническое имя, апеллировали они к истории своей семьи, происхождению родителей. Сравнивая результаты опроса всей группы респондентов и относительно молодых людей (1940-1970 гг. рождения) можно отметить нарастающую нивелировку этнического самосознания (Табл. 2).

Таблица 2.

Зависимость этнического самосознания опрошенных от возраста

Этнические группы опрошенных	Годы рождения			
	1900-1970		1940-1970	
	Абс. число	В % к абс. числу	Абс. число	В % к абс. числу
Только русские	112	26,4	20	31,7
Чалдоны	134	31,5	22	34,9
Сибиряки	92	21,7	13	20,7
Российские	53	12,6	Абс. число	7,9
Другие	33	7,8	3	4,8
Итого	424	100	63	100

Итак, проведенный опрос показал, что, по мнению сельского населения Западной Сибири, наиболее существенными основаниями этнической самоидентификации являются язык, внешность и происхождение. При этом значительная часть респондентов считает важным место рождения, считая родившихся и долго живущих в одном месте односельчан особой, более авторитетной группой. Собственно же этническая принадлежность (этническое самосознание) для многих не имеет какой-либо значимости.

1. Анкета была разработана в 1998 г. М.Л. Бережной при участии студентки исторического факультета Омского государственного университета А.А. Новоселовой. В заполнении опросных листов приняли участие студенты ОмГУ, члены этнографических практик и этнографических экспедиций 1998-2000 гг. Выражаю им свою глубокую признательность.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 00-01-00385.

М.В. ВОРОБЬЕВ - ВОСТОКОВЕД – АРХЕОЛОГ
БРОДЯНСКИЙ Д.Л.

Дальневосточный государственный университет Владивосток

Осенью 1957 г., после совета П.И. Борисковского обратиться к А.П. Окладникову, я пришел в сектор палеолита ленинградского ИИМКА (так тогда назывался Институт археологии), Окладникова не застал, со мной побеседовали Римма Васильевна Чубарова, вскоре вышедшая замуж и сменившая фамилию на Козырева, и Михаил Васильевич Воробьев – так мы познакомились. В 1960 г. именно М.В. Воробьев выписал мне командировку во Владивосток, я получил пропуск в закрытый город и впервые приехал в Приморье, где после месяца на п-ве Песчаном, в августе работал в отряде

М.В. Воробьева на раскопках цитадели Краснояровского городища. В 1991 г. в Эрмитаже я встретил Михаила Васильевича, не знал, что встреча последняя.

Сын бывшего придворного повара, Михаил Васильевич Воробьев родился 21 апреля 1922 г. в Петрограде, жизнь прожил в Ленинграде и умер 5 октября 1995 г. в том же городе, но уже с возвращенным именем Санкт-Петербург. С этим прекрасным городом он прошел через войну и блокаду: сначала в ополчении, затем – среди тех, кто работал и выживал в блокаде, снова в армии, на фронте, где был тяжело ранен. Японское отделение Восточного факультета ЛГУ, куда поступил летом 1941 г., удалось окончить в 1950 г., тогда же М.В. Воробьева пригласил в аспирантуру А.П. Окладников, оценивший перспективность соединения востоковедения и археологии. Итогом кандидатской диссертации стали книги «Древняя Япония» (1958) и «Древняя Корея» (1961), до сих пор остающиеся настольными у археологов-дальневосточников.

В 50-е годы М.В. Воробьев работал в экспедициях А.П. Окладникова на Ангаре, в Забайкалье, в Приморье. В последних его работах 1960 г. мне как раз довелось участвовать. Он грамотно, квалифицированно вел раскопки, но классическим полевиком не был. Худой, нескладно одетый, в детской панамке, Михаил Васильевич казался экспедиционному народу странным. В Забайкалье его как-то оставили с будущей женой на целый день у плиточной могилы и, вернувшись, были поражены: многотонная кладка камней была разобрана. В 1963 г. М.В. Воробьев покинул ИИМК (был какой-то конфликт). Поддержанный В.В. Струве, был принят в Институт востоковедения – в другом крыле того же здания на Дворцовой набережной, где и работал до конца жизни.

Владея китайским, корейским и японским языками, М.В. Воробьев прочитал, перевел, проработал огромный пласт источников по древней и средневековой истории Дальнего Востока. Соединение письменных и археологических источников позволило М.В. Воробьеву создать два капитальных труда: «Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк» (1975) и «Культура чжурчжэней и государства Цзинь» (1983). Без ссылок на эти работы не может обойтись ни один археолог-медиевист, работающий на Дальнем Востоке.

Две работы (1976, 1980) посвятил М.В. Воробьев древней и средневековой культуре Японии. В последние годы жизни он вернулся к археологии и истории Кореи и соседней с ней Маньчжурии. Первая из двух вышедших книг «Маньчжурия и восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно)» (1994) содержит большое число грубых ошибок, которые востоковед М.В. Воробьев допустить не мог. Очевидно, что ошибки на совести редактора О.В. Дьяковой, издавшей книгу во Владивостоке. Вторая книга «Корея до второй трети VII века: этнос, общество, культура и окружающий мир» (1977) основана на большом объеме письменных и археологических источников. Среди прочих учтены и приморские памятники, хотя и далеко не все работы последних 15 лет.

Научная биография М.В. Воробьева – прекрасный пример соединения двух трудоемких профессий: классического востоковедения, работающего с

письменными источниками, и археологии, опирающейся на источники вещественные. Прекращение в начале 60-х активной полевой деятельности определили характер ученого и жизненные обстоятельства, но заложенный фундамент знаний в области археологии служил ученому до конца жизни. В связи с этим полезно проанализировать корпус работ на стыке наук. Есть группа ученых–переводчиков, просто излагающих содержание иноязычных трудов археологов и историков, например, С. Кучера, Ю.М. Бутин. Их труды расширяют информационное поле для археологов, не владеющих восточными языками, но научная ценность таких трудов ограничена. Мне представляется, что синтез востоковедения и археологии, воплощенный в трудах М.В. Воробьева, самоценен и перспективен в развитии как археологии, так и востоковедения. Владивостоку, Дальневосточному государственному университету на роду записано быть местом соединения археологии и ориенталистики.

ПЕТР МИХНО: АРЕСТОВАННОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КОНСТАНТИНОВ М.В.

Забайкальский государственный педагогический университет

Имя Петра Саввича Михно уважаемо в среде сибирских музейщиков археологов и краеведов. Он верой и правдой служил “любимой, родной нам научно-исследовательской работе”. Эти страстные слова родились под его пером в гиблой тюремной камере: ими он завершил письмо, направленное в НКВД с просьбой разрешить ему участвовать в I-ом Восточно- Сибирском съезде ученых в г. Иркутске. Ответа, разумеется, не последовало.

Теперь из недр ведомственных архивов извлечено “Дело П.С. Михно” - его итожит справка с изложением приговора перечеркнувшего жизнь человека.

Петр Михно был арестован на основании “Постановления об избрании меры пресечения и предъявления обвинения”, помеченного визами начальника УНКВД и прокурора от 26 ноября 1937г. Арест “активного участника контрреволюционной белогвардейской организации и агента японской разведки” произведен 2 декабря. До 70-летия директора Кяхтинского музея, “затаенного шпиона” оставалось всего 18 дней. Юбиляр встретил день рождения во внутренней тюрьме УНКВД г. Иркутска.

В “Анкете арестованного” с его слов записывалось : родился - 20 декабря 1867 года в семье казака г. Ровно Полтавской губернии, но национальности - украинец, закончил Глуховский учительский институт; живет и работает в г. Кяхте; имеет семью: жена - Клавдия Дмитриевна, 56 лет, домохозяйка, сын - Николай Петрович (25 лет), студент Горного института, жена сына - Валентина Сергеевна, врач противочумного института в г. Иркутске. Похоже, что именно в Иркутске (может быть на квартире сына) и арестовали музейного работника, уже снятого с воинского учета по старости, беспартийного, в белых армиях не служившего.

Впрочем, что такое аресты, допросы и тюремные камеры Михно знал по собственному опыту. Власть относилась к нему немилосердно. Его арестовывали в 1922 и в 1931 г., но что-то спасало его тогда от расправы. В 1938 г. разоблачение “врага-шпиона” стало окончательным.

В одном из протоколов допросов изложена его биография. В 1888 он прибыл в Троицкосавск, где был назначен учителем четвертых классов городского училища.

Троицкосавск - Кяхта была вольнолюбивым городом. Здесь помнили декабристов, читали Герцена и Маркса, обсуждали новейшие политические идеи и много сил отдавали просветительской работе, Михно сразу подключился к сбору коллекций для музея, чтению лекций в воскресной школе и Народном университете.

Очень скоро Михно вошел в круг политических ссыльных. Он познакомился с народовольцем - ссыльным “по делу 163” Н.А. Чарушиным и знаменитой Е.К. Брешко-Брешковской, которую в дальнейшем нарекли “бабушкой русской революции” за ее многолетнюю перенесенную через каторгу верность идеям борьбы за свободу. Из этого круга общения молодой учитель вынес свой жизненный ориентир - “благо народа в его просвещении”.

Через четыре года молодого учителя повысили “по линии службы”, назначив инспектором городского троицкосавского училища. Успешно развивались и музейные дела. Михно совершал не только экскурсии по окрестным местам, но и дальние поездки - вплоть до Ямаровки в таежных верховьях Чикоя, где открыл стоянку каменного века. Но особенно удачным оказалось посещение села Дурены в 30 км к востоку от Кяхты. На песчаных выдувах вокруг этого села он собирал огромное число различных древних вещей, среди которых наиболее приметными были обломки гуннских сосудов, что и позволило в дальнейшем открыть здесь обширное гуннское селище. Но реальная жизнь не отпускала полностью к “уснувшим древностям”. Будоражающий 1905 год всколыхнул учительство. Для некоторых из них это закончилось тюремным заключением с обвинением в политических преступлениях. Инспектор городского училища как мог пытался защитить учителей, представив о них “хороший отзыв”.

В порядке предупреждения Михно перевели из Кяхты в Читу, хотя и без понижения в должности. Молодой инициативный педагог-инспектор пришелся в Чите “ко двору” и как бы заменил собой А.К. Кузнецова, отправленного властями на каторгу. Михно избирают директором музея. На его плечи легла и забота об общественной библиотеке. Три года читинской жизни пришлось на тяжелые годы реакции и кто знает, что стало бы с городскими культурными учреждениями без инициативного смелого Петра Саввича.

Из Читы Михно отправили в дальний Акшинский район, но затем все-таки вернули в Кяхту. Февральскую революцию инспектор народных училищ встретил радостно, поскольку “наступил конец безобразий творимых правительством”. Затем пришел Октябрь: “Я знал, что власть захватили большевики и этот переворот я приветствовал”.

Поманив свободой и надеждой, новая власть ввергла страну в пучину страшных бед.

В протоколах допросов особо отражено “самоуправство” Михно, попытавшегося защитить Кяхту от потрясений гражданской войны. К городу двигались красные партизаны, а белый гарнизон, состоящий из частей войск Крымова отказался защищать город. Будучи гласным городской думы, Михно поставил подпись под протоколом, по которому в город для его защиты были введены китайские войска.

Советской властью Михно был осужден на три года условно, с громкой формулировкой - “за ввод китайских войск на территорию СССР”.

С 1922 г. Михно стал директором Краевого музея. На его плечи легла забота об уникальной исторической экспозиции и богатейших фондах. В помощь ему была многолетняя кяхтинская традиция уважения к музейному делу. А главной проблемой стали опустевшие (в связи с исчезновением купцов-спонсоров) финансовые закрома. Несмотря на постигшую музей бедность, энергичный директор ведет интенсивный сбор коллекций по археологии, геологии, ботанике. Он собирает также материал по охотничьему промыслу для представления на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Путешествуя, он добирался до глухоманной Мензы, посещал чикойские Урлук, Ланцово (Альбитуй), Саввичи (Н.Нарым), Хилкотой и другие села.

Особое внимание П.С. Михно уделял археологии и археологам. В 1924 г. в Кяхту прибыл молодой талантливый ученый Георгий Дебец. Его привлекли материалы со стоянок каменного века. Нашлись для него дела в Кяхте и в три последующих года. Музейные “сиденья” дополнялись совместными находками двух исследователей по дюнным стоянкам.

В 1926 г. из Удан-Удэ в Монголию через Кяхту проследовали две экспедиции. Одну из них возглавлял Николай Рерих, вторую - Бернгард Петри. Их радушно встречал, помогая во всем, Петр Михно.

В 1927 Михно собрал большую коллекцию каменных орудий у с. Зарубино на Селенге, а около Харанхоя из стенок оврага извлек кости носорога, быка, лошади, джигетая. Из этих же оврагов происходили обломки яиц страуса, а также каменные скребла, отбойники, нуклеусы. Об этих находках Михно, будучи в Ленинграде, сообщил Г.П. Сосновскому. Встретившись в Кяхте, они развернули поиски новых памятников. Особо интересным для исследователей стало 200-километровое путешествие по Чикою, совершенное в августе 1928г. О своих экскурсиях и находках Михно докладывал на музейных собраниях, что находило отражение в публикациях. Но о некоторых его открытиях можно узнать только из материалов следствия. Конечно, следователей НКВД интересовали не поиски древних вещей, а другие сюжеты. Им нужно было установить “шпионские связи” Михно. Старый человек мужественно отрицал все обвинения, напирая на то, что он все силы отдавал науке: “Ни для кого не тайна, что в музейную работу я вкладывал весь свой ум, свою душу, просиживал там целые дни за работой. Не пользовался я выходными днями и отпусками. Я весь был поглощен музеем и научными исследованиями”; и далее дополняет: - “Экскурсии для изучения Бурятии почти исключительно совершал

на свои сбережения”. Охотно вспоминал Михно только об открытии пещер под Кираном, Киретью и В. Маргинтуем, о “стене грандиозных размеров”, построенной древними людьми в тайге возле Тамира, о писаницах на скалах у с. Н.Маргинтуй.

Следователи пытались скрыть политические и социальные реальности, но то в одной, то в другой строке протоколов они невольно проясняются. Оказывается были все-таки в Забайкалье серьезные крестьянские волнения и даже восстания (например в с. Елань в марте 1930 г.), вызванные трагедией коллективизации; и надеялись люди на то, что все-таки власть перейдет на “старую дорогу”, хотя “она (власть) только стремиться что бы сорвать налог, страховку за тротуары, выгнать из дома, с музея”. Обсуждались слухи о том, что “Англия или Америка увезла всех арестованных из “Соловков”, - так излагал новости крестьянин С.А. Кривогородницин, от которого добывались сведения об антисоветской деятельности Михно.

Сам Михно во время ареста в 1931 г. просьбу отпустить его на научно-исследовательский съезд сопровождал вескими критическими соображениями: “Сейчас для Географического о-ва создается такое положение, что о-во и богатая научная библиотека при нем могут погибнуть, рушатся все связи, которые о-во имело с научными О-вами и учреждениями как в СССР, так и за границей и крепость их с 1894 г. и по сие время”. Более того, П.С. Михно отчетливо понимает, что на намечаемом съезде в Иркутске произойдут решающие изменения: сибирские отделения Общества “преобразуют” в “Общество исследования производительных сил Восточно-Сибирского края”. Найдется ли в новом обществе место для старых вольнодумных краеведов? - этот невысказанный вопрос так и пробивается сквозь строки письма - обращения.

Географическое общество оказалось в то время ненужным властям. Они захотели отправить его “на свалку”, точно также, как чуть раньше рассчитались с многими историческими музеями и историческими факультетами, равно как и с конкретными историками- учеными, педагогами, музейщиками. Для власти история и краеведение стали опасными. Их намертво сдавили в кровавых “ежовых рукавицах”. Особо стойких защитников исторической науки и музейного дела “возводили в ранг” антисоветчиков и шпионов. С этими тяжкими обвинениями и был поставлен к расстрельной стене 23 ноября 1938 г. непокорный Петр Саввич Михно. В 1957 г. трибунал Забайкальского военного округа принял решение о реабилитации П.С. Михно “за отсутствием состава преступления”.

Погубленную жизнь вернуть человеку невозможно, но честь и имя - вполне. Влюбленный в “родную научно-исследовательскую работу”, Петр Михно стал для потомков символом арестованного, вроде бы уничтоженного, но воскресшего музейного краеведения, вобравшего в себя высокие принципы свободного знания и народного просвещения.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ЕПИСКОПОВ
ИРКУТСКОЙ
ЕПАРХИИ ПРОТИВ СТАРООБРЯДЦЕВ В КОНЦЕ XVIII –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В**

(по документам госархива Читинской области)

КОНСТАНТИНОВА Т.А.

Государственный архив Читинской области г. Чита

Целью данной статьи является характеристика архивных документов, раскрывающих конфликтные взаимоотношения старообрядцев с официальной православной церковью, представляемой Иркутской епархией. Документы хранятся в фонде Нерчинского горного правления (ф.31) и Забайкальского областного правления (ф.1). К наиболее ранним источникам относятся сведения о старообрядцах, отказавшихся от хлебных взносов на содержание священникам за 1797-1801 гг. В то время Нерчинский горный округ на подведомственной территории выполнял отчасти функции органа власти в составе Иркутской губернии. Из Иркутского Губернского правления в Нерчинскую горную экспедицию 12 октября 1800 г. пришли предписания о том, что старообрядцы Верхнеудинского уезда отказались содержать священников, ссылаясь на высочайший Указ Его Императорского Величества, в котором указано, что старообрядцы Забайкалья на содержание своим священникам “дают хлеб раз в год и до нового урожая хлеба требовать запретил, а если указ будет нарушаться, то старообрядцы могут обращаться в суд”¹.

В одном из дел включено распоряжение начальнику Нерчинских горных заводов Я.А. Рычкову от 10 января 1812 года от министра внутренних дел, о том, чтобы деликатно, “...не причиняя никаких притеснений или неудовольствия жителям... выявить число оных, порознь мужска и женска пола... ”². Также в деле представлены списки старообрядцев, их жен и детей, с указанием места жительства и возраста. Всего в 1811 году в Нерчинском горном округе (Нерчинском Заводе, Кутомирском, Шилкинском, Нерчинской горной конторе, Кадаинском, Кличкинском, Газимуровском, Аргунском горных правлениях) и Уровской волости проживали 73 мужчины и 53 женщины³. Аналогичный список за 1826 год включает старообрядцев, живущих в Кутомарском, Шилкинском, Петровском, Александровском заводах, Нерчинской горной конторе, Кличкинском руднике, Уровской, Газимуровской волостях, при Култуминских приисках, где по совокупности проживало 95 мужчин и 70 женщин. Такого рода списки позволяют проследить генеалогические корни старообрядцев, живших в Забайкалье. Сравнивая списки за 1826 г. и за 1811 г., можно сделать вывод, что изменения численности старообрядческого населения Восточного Забайкалья за 15 лет не произошло. По данным забайкальского областного правления за 1854, раскольников (старообрядцев) в Чите, Нерчинске, Верхнеудинске почти не было, основное число семейских проживало в Верхнеудинском округе, там находилось 14

молитвенных домов; при них проживало 5 750 мужчин и 5781 женщин. Основные молитвенные дома находились в Тарбагатайской волости – 6, в Мухоршибирской волости – 6 и Окиноключевской - 2. В Нерчинском горном округе число старообрядцев резко сократилось по сравнению с 1826 г. – там проживало 10 мужчин и 19 женщин (но, возможно, что составление списков не велось так тщательно, как в 1856 г.). Всего в Забайкальской области проживало 9 010 мужчин и 8 471 женщина⁴.

Архивные документы Забайкальского областного правления по поводу “прекращения” противозаконных действий старообрядцев Забайкальского края против православной веры за 1826-1856 годы” отражают конфликт между епископом Иркутским, Нерчинским и Якутским Иннокентием и старообрядцами. Формально причиной конфликта послужило донесение императору от бывшего Генерал-Губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенанта Броневского о действиях, переселенного из Костромской Епархии Игумена Израиля, распространявшим ересь. Действия свои он начал в 1834 году, превратно толкуя священное писание, и уверяя, что церковь осквернена и церковные обряды изменены, и делал отпущение грехов. В донесении говорилось, что в Забайкальском крае умножились кресты на горах и других урочищах, особенно там, где пребывали государственные преступники. Броневский утверждал, что это сектанская мистическая деятельность не без важной политической цели. Епископ Иннокентий был включен в состав секретного комитета. Израиль был лишен сана и сослан на Соловецкий монастырь. Генерал Губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант Руперт 1 мая 1833 г. предписывает начальнику Верхнеудинского, Нерчинского округов и Троицкосавского пограничного вести секретные наблюдения за религиозным настроением тамошних жителей на предмет существования у них мистических сект. 14 марта 1839 г. он пересылает Иркутскому гражданскому губернатору записку о том, что “поступившие от старообрядцев Верхнеудинского округа прошения об оставлении в прежнем положении часовен и молитвенных домов, просителям дать законное удовлетворение и меня о последующем прошу уведомить...”⁵. Вместе с тем чиновнику Верхнеудинского округа Мандрике было дано поручение снять кресты и колокола, но с поручением он не справился; об этом и было сообщено епископу Нилу (сменившего в этой должности епископа Иннокентия). Затем поручено было выполнить это задание сотнику Посольскому, который сообщил: “... что раскольники упорствуют в снятии колоколов и крестов, другие же соглашаются на снятие колоколов, решительно препятствуют снятию крестов”⁶. В своем сопротивлении воли начальству раскольники опирались на 48 статью 14 тома Свода Законов, допускающих раскольнические церкви, часовни и молитвенные дома, построенные до 17 сентября 1826 г., оставлять в том положении, в каком они в это время были. В апреле 1839 г. епископ Нил пишет письмо гражданскому губернатору г. Иркутска - А.В. Пятницкому, в котором, он обращает внимание на законы от 03.09.1774, 05.05.1774, 22.12.1817, 21.02.1818, запрещающие иметь на часовнях главы, строить самовольно колокольни и заводить колокола, подчеркивая, что главное условие существования часовен в то время, это уничтожение на них

глав. Епископ Нил приводит слова Петра I “что раскольники суть люты неприятели и Государю и Государству непристанно зло мыслящие”⁷.

Весомый документ Министру Внутренних Дел России представил Генерал-Губернатор в Сибири генерал-лейтенант Руперт от 30 декабря 1838 года в виде выписки из представлений Преосвященного Иркутского – Святейшему Синоду по делу о забайкальских ересях. Сообщается, что первые раскольники появились в Забайкалье около 1770 г., через последовавшие переселение из западных губерний. В 1830-е гг. в Забайкалье пришло уже не менее 20 тыс. старообрядцев и почти все они живут в Куналейском, Мухоршибирской, Тарбагатайской и Урлукской волостях Верхнеудинского и Троицкославского уездов. Православные находятся под влиянием старообрядцев и в православной вере не сильны. Кроме того раскольники, как правило состоятельные люди, и это очень влияет на бедняков. Преобладает поповщинский толк, который ближе к Единоверию. Большого всего хлопот приносит Тарбагатайская волость, где вызывают беглых попов из внутренних губерний России. Мнение гражданского губернатора Броневского о существовании мистических сект не поддерживается. Особое мнение высказывается и о крестах. Они обыкновенно находятся на могилах, на полях, и на “некоторых местах памяти достойных” для совершения молебствования, это результат “чистой набожности, а не символ новейшего ложемудрствования”. И когда они появляются напротив тюрем, то главной причиной появления креста – это утешение этих людей, свои молитвы из тюремных замков они обращают к неизвестно кем поставленным крестам. Эту деятельность можно считать обыкновенным человеколюбием (исключение составляют два креста поставленных игуменом Израилем, и их надо действительно убрать). Благодержавшие священнослужители не соглашались приезжать за Байкал, необходимо готовить кадры на месте. Кроме того не надо выдворять раскольников из Забайкалья, чтобы влияние их не распространялось на переселенцев.

После анализа положение дел и взаимоотношения православной церкви с раскольниками, епископ Нил вновь возвращается к необходимости снятия крестов и колоколов с часовен и молитвенных домов и предание суду раскольников виновных в совершении треб⁸.

В 1840 году в большинстве селений, даже опираясь на воинскую команду, снять кресты и колокола не удалось - раскольники дали энергичный отпор представителям власти. Земскому суду было поручено провести следствие за оказание сопротивления. В деле есть прошения старообрядцев, которым они стараются спасти часовни и молитвенные дома, в них разные оправдательные документы, подтверждающие, что сопротивление власти было отчаянным, кое-где переходящим в силовое противостояние. В мае 1840 года епископ Нил делает выводы о том, что сопротивление части старообрядцев удалось сломить и выражает надежды на сотрудничество православной религии с религией староверцев. Он просит Св. Синод разрешить упорствующим старообрядцам, прошедшим каторгу, и не отказавшихся от своей веры, наказывать выселением в Якутию.

Просмотренные документы позволяют сделать следующие выводы: старообрядцы жили полностью в четырех волостях Иркутской губернии; число их было достаточно стабильным; в основном они относились к зажиточной части забайкальцев; ни какие меры православной церкви и официальной губернаторской власти не смогли заставить старообрядцев отказаться от их веры.

1. Государственный архив Читинской области ф.31, оп.1, д.373, л.72
2. Там же, ф. 31, оп. 1. д. 569. л. 1-2
3. Там же, л.3-6
4. Там же, ф. 1 общ, оп. 1, д. 206, л.л. 6, 9,11,15, 22, 25, 27
5. Там же, л. 27
6. Там же, стр. 31
7. Там же, л.35
8. Там же, л.л.80-81

ЗАЧИНАТЕЛЬ НАУЧНОГО КОРЕЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ (к 125-летию со дня рождения Г.В. Подставина)

КОЧЕШКОВ Н.В.

Институт истории ДВО РАН Владивосток

Григорий Владимирович Подставин – выдающийся российский востоковед, заложивший основы научного изучения корейского языка. С его именем тесно связано также развитие востоковедного образования во Владивостоке почти с самого начала создания здесь Восточного института.

Родился он на Волге в небольшом тогда городке Рыбинске, в декабре 1875 г. Его родители были настолько зажиточными, что смогли дать своему единственному сыну блестящее образование.

Окончив в 1894 г. Рыбинску. Классическую гимназию, Григорий навсегда уезжает из родного дома, чтобы никогда уже туда не вернуться. Он поступает Императорский Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков, где изучает монгольский, китайский и маньчжурский языки. В 1898 г. он окончил университет с Золотой медалью и, проявив блестящие способности к научной деятельности, заслужил как достойную награду оставление на кафедре монгольской словесности (ее тогда возглавлял выдающийся монголовед профессор А.М. Позднеев) для «подготовки к профессорскому званию». На этом и завершился петербургский весьма краткий по времени период жизни и становления молодого ученого.

В 1899 г. на далекой окраине России создается новый востоковедческий центр, и туда из столицы империи направляется группа энтузиастов-востоковедов во главе с профессором А.М. Позднеевым, который и пригласил во Владивосток Г.В. Подставина, предложив ему заняться в Восточном

институте изучением и преподаванием корейского языка и литературы. С той поры Г.В. Подставин избирает своей ведущей специальностью корееведение и дополнительной – монголоведение.

По рекомендации А.М. Позднеева молодого талантливому ученого командировали в Корею для изучения на месте языка и народного быта. Более года (до весны 1900 г.) Подставин пробыл в Стране Утренней Свежести. Там он овладел языком во всем его диалектном многообразии и собрал обширный лингвистический и этнографический материал.

В июле 1900 г. Г.В. Подставин был назначен исполняющим должность профессора Восточного института. На протяжении 22 лет он возглавлял созданную им кафедру корейской словесности и, по совместительству, кафедру монгольской словесности сначала в Восточном институте, а затем на восточном факультете Государственного Дальневосточного университета.

Григорий Владимирович был человеком необычайно широкого диапазона интересов: он принадлежал к тому типу ученых, которые не замыкаются в узкой сфере избранной специальности, а отдают всю свою энергию, все знания людям, постоянно находясь в водовороте жизни. Наверное, не было во Владивостоке ни одного более или менее крупного культурного начинания, в котором он не принял бы участия. Он состоял председателем или членом всех научных и культурных обществ того времени.

Это был поистине русский человек, глубоко интеллигентный и добрый, отличающийся безупречной душевной чистотой, скромностью и обаянием. Ему были чужды интриганство, себялюбие, корысть. Особенно много такта, организаторского опыта и академической принципиальности Г.В. Подставин проявил на посту инспектора (1900-1905), а затем директора (1919-1920) Восточного института, а после преобразования последнего в 1920 г. в Государственный дальневосточный университет – на посту его первого ректора.

В 1922 г. профессор Г.В. Подставин уехал в Корею в свою последнюю командировку. Установление власти большевиков в Приморье ученый встретил настороженно, очень переживал за судьбу России. Поэтому он не вернулся во Владивосток, пытаясь обосноваться в Харбине. Но жизнь эмигранта очень тяжело отразилась на его здоровье и 23 марта 1924 г. ученый умирает на чужбине...

Г.В. Подставин оставил немного опубликованных трудов, и это можно объяснить прежде всего тем, что начинать изучение и преподавание корейского языка ему пришлось по существу на пустом месте, самому закладывать фундамент новой отрасли знания. И в этом деле большую помощь ему оказало знание типологически близких к корейскому языку монгольского и маньчжурского, прекрасная лингвистическая подготовка и тот обширный материал, который он собрал во время поездок в Корею и по корейским селениям Южно-Уссурийского края. Постоянно занятый педагогической, административной и общественной работой, он, к сожалению, не смог полностью привести в порядок собранные им ценнейшие материалы. Лишь малая толика их оказалась реализованной в его учебных пособиях и научных трудах. Приятно отметить, что почти все рукописное наследие профессора

Г.В. Подставина сохранилось в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (фонд 226) и отныне находится во Владивостоке.

Очень верную характеристику Г.В. Подставина как ученого-востоковеда дал в свое время его коллега и друг профессор Н.В. Кюннер: «Г.В. Подставин принадлежал к той категории научных работников, которые строже всего относятся к самим себе, а поэтому редко и мало печатаются, был весьма осведомлен как в корейском, так и монгольском языках и во всех вопросах, относящихся к корееведению и монголоведению, охотно делился со всеми своими знаниями».

До сих пор не утратили своей научной ценности такие, например, труды ученого, как «Корейская хрестоматия в двух частях (1901), «Хрестоматия литературного корейского языка» (1905), «Лекции по политической организации и новейшей истории Кореи» (1913), «Разбор японского самоучителя корейского языка «Цибсенго докутаку» (1918).

Г.В. Подставин менее известен как монголовед. И все же интерес к монгольскому языку, особенно после отъезда из Владивостока профессора А.М. Позднеева, он сохранил и приумножил в лекционных занятиях со студентами по монгольскому письменному языку.

Г.В. Подставин был авторитетнейшим знатоком Кореи – он живо интересовался ее новейшей историей, государственным устройством, политическими течениями, жизнью и бытом корейского народа. В научной и научно-популярной печати нередко появлялись его сообщения о Корее, написанные живо и увлекательно. К знаниям Г.В. Подставина неоднократно обращалась администрация Приморской области, когда ей приходилось иметь дело с корейским населением. Ученый немало содействовал улучшению постановки школьного образования в корейских селениях; он являлся председателем Комиссии по изданию учебников для корейских школ на территории России.

Таков в самых общих чертах облик профессора Григория Владимировича Подставина, зачинателя научного корееведения в нашей стране. И лучшей памятью замечательному российскому ученому было бы осмысление его идей в области корееведения, в особенности корейского языкознания, на современном уровне знаний, а также публикация его богатейшего рукописного наследия.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАДИН Н.Н.

Институт истории ДВО РАН Владивосток

Политическая антропология сложилась как специфическая дисциплина, которая помимо чисто академических вопросов (например, происхождение

государства) изучала проблемы модернизации конкретных традиционных, колониальных и постколониальных обществ Азии, Африки, Америки и Пасифики. В силу того, что на части территории бывшего Советского Союза, особенно в национальных республиках (ныне независимых государствах СНГ, а также в ряде субъектов Российской Федерации), до сих пор сильна роль традиционных родовых и племенных пережитков, опыт западных политантропологов может оказаться бесполезным для прогнозирования политических процессов в России и многих других государствах СНГ.

В чем же заключается суть опыта западных политантропологов? Их исследования показали, что процессы модернизации и либерализации не реализуются автоматически. Очень часто цели прямого воздействия искажаются цивилизационными (если речь идет, например, о воздействии на китайское или исламское общество) или архаическими и традиционными особенностями трансформирующегося общества.

"Традиционный" и "бюрократический" (по М. Веберу) типы господства на практике оказываются трудносовместимыми. Демократия – это добровольное объединение независимых индивидов. В посттрадиционных обществах человек это часть более общего целого (племени, клана, землячества), следовательно вся его деятельность опосредована этим более общим целым. Для них (а в более широком контексте – всех незападных обществ) не были характерны такие выделенные Вебером признаки как "рациональность", "обезличенность", "компетентность". В традиционном обществе согласно М. Веберу вся деятельность основана на личностных отношениях.

В обществе с сильными клановыми (родовыми) и племенными связями это явление принимает поистине масштабный характер. Это опосредовано тем, что носитель власти в традиционном обществе всегда выступает не сам по себе, а как представитель, лидер определенной группы. Он воспринимается как ее центр, сосредоточение священной силы и должен разделить с ней свои властные функции и привилегии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в странах третьего мира и новых независимых государствах правящая элита стремится вытеснить с ответственных постов всех тех, кто не связан с членами этих группировок кровными, семейными, земляческими узами.

В настоящее время в каждом ныне независимом среднеазиатском государстве СНГ можно проследить влияние местных клановых и родоплеменных групп. В Узбекистане они концентрируются по географическому признаку (Ташкент, Бухара, Самарканд). Численно преобладает и доминирует столичный клан. Занятие административной должности возможно только в случае принадлежности к тому или иному клану. В Киргизии на самом высшем уровне иерархии элита подразделяется на две противостоящие друг другу группировки выходцев из южных и северных районов Киргизии при общем доминировании выходцев с Севера. Дуальное деление политической элиты усложнено наличием ряда авторитетных кланово-родовых групп. В Таджикистане клановое разделение может быть прослежено в нескольких аспектах, но прежде - по линии городской (ленинабадский) "север"

и сельскохозяйственный (кулябский) "юг". Политическая структура Казахстана основана на генеалогическом неравенстве жузов (Большой, Средней и Малой орды).

Подобная ситуация существует не только в ныне независимых странах СНГ. Ее можно зафиксировать в ряде субъектов Российской Федерации. В Калмыкии, например, почти 85% калмыков горожан и более 90% жителей села идентифицируют себя с той или иной племенной группой. Имеются три главные племенные группировки: торгутская, дербентская, бузавская.

Опыт политантропологических исследований показывает, что в посттрадиционных обществах партийные структуры нередко формируются на родоплеменной или конфессиональной основе или как инструмент персоналистского влияния того или иного лидера. Выборы в представительные органы власти в таких условиях, как правило, основываются не на политических программах, а на племенных или религиозных принципах. В результате большие массы людей втягиваются в племенные, межэтнические и межконфессиональные конфликты, что создает неустойчивость правящих коалиций, отсутствие политической стабильности. Все это приводит к кризисам и политическим переворотам.

В такой ситуации власть, нередко, видит единственный способ сохранить стабильность путем создания авторитарных – однопартийных, военных режимов. Не случайно практически все государства, возникшие на территории азиатской части СНГ имеют автократическую природу власти. Правда, здесь необходимо иметь ввиду еще одно свойство традиционной власти. Разделение властей – институт прошедший длительную эволюцию и, можно сказать, "выстраданный" Европой в ходе многих восстаний и революций. Для архаических и традиционных обществ подобное явление в принципе не характерно. Правитель традиционного общества является единственным носителем сакрального статуса и все иные самостоятельные ветви власти автоматически воспринимаются как нежелательные конкуренты не только самим правителем, но и большинством населения. Поэтому в "посттрадиционных" обществах руководящим органом и страны, и партии, нередко, является политический лидер харизматического толка, облаченный часто почти неограниченными полномочиями. Исходя из всего вышеизложенного, ясно почему большинство стран СНГ прошли схожий путь политической трансформации. События в них развивались по однотипному сценарию: роспуск законодательных органов, принятие новых конституций, расширяющих полномочия президента, "мягкий" террор в отношении оппозиции и независимых средств массовой информации.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУК В ЕЕ ИЗУЧЕНИИ*

ТОМИЛОВ Н.А.

Омский государственный университет г. Омск

В отечественной этнографии давно уже довольно четко определился интерес к понятию "этническая история", ее объектной и предметной областям. В настоящее время распространено несколько подходов к понятию "этническая история". Один из них связан с необходимостью отграничить его от понятия этногенеза в стадиальном плане. Одно из последних определений этнической истории принадлежит Н.Г. Волковой: "ЭИ (этническая история. - Н.Т.) - это развитие в диахронии всех видов этнических процессов, протекающих в уже сформировавшемся этносе, и изменение под их влиянием основных характеристик этноса". Широко распространенным является другой подход, при котором понятие "этническая история" охватывает как этногенез - формирование этнических общностей, так и последующее их этническое развитие на всех стадиях истории человеческого общества вплоть до современности. Третий подход характеризуется тем, что под этнической историей понимается иногда формирование этнических общностей от этноплеменных объединений до завершения складывания народностей.

Не останавливаясь на некоторых других нюансах в подходе к стадиальному и временному объему понятия "этническая история" и не затрагивая различных точек зрения на содержание этого понятия, отметим, что наиболее приемлемым нам представляется понимание этнической истории как отрасли знаний, охватывающей, прежде всего, изучение этнических и этносоциальных процессов и на стадии формирования этнических и этнографических общностей, и на стадии их этнического развития (вплоть до их трансформации, если речь идет об исчезнувших этносах).

Прежде чем перейти к характеристике объекта и предмета этнической истории, необходимо подчеркнуть, что она представляет собой целое научное направление, сформировавшееся на стыке этнографии и истории, и может рассматриваться даже как относительно самостоятельная научная дисциплина. При изучении проблем этнической истории этнографов и историков объединяет историко-генетический подход к их решению, а также стадиальный подход в исследовании развития этнических процессов в целом. И историки, и этнографы рассматривают возникновение и развитие этнических общностей во взаимодействии с другими явлениями социально-экономического и политического характера, применяя в своих исследованиях метод последовательного историзма, а также другие научные методы. Если этническая история входит прежде всего в этнографию и является одним из важнейших ее направлений, то тогда и объект этнической истории в целом совпадает с объектом этнографии. Представляется, что в самом общем виде объектом этнической истории и этнографии в целом могут быть названы историко-культурные общности, включающие все виды общностей этнического и

этнографического порядка. Если же речь вести об основном объекте этнической истории, то тогда в качестве такового необходимо считать этносы. В определении объекта этнической истории, на наш взгляд, должно найти отражение и вхождение ее в область исторических знаний. Поэтому объектом ее изучения является история историко-культурных общностей, или этнические и этнографические общности в их историческом развитии.

Предметную область этнической истории соответственно составляют процессы становления (формирования), развития и распада или трансформации историко-культурных общностей, другими словами, этнические и этносоциальные процессы всех видов и уровней. Этническая история изучает динамику систем историко-культурных общностей, т.е. формирование компонентов этих систем и их этнических свойств, изменения в компонентах, в первую очередь в этнических свойствах этих компонентов, в их функционировании. Эта динамика систем историко-культурных общностей исследуется во взаимодействии их друг с другом во всей исторической конкретности, во взаимосвязи с социально-экономической и политической историей. При этом важно изучить не только сложение и развитие историко-культурных общностей, но и их трансформацию, выявить ее причины, ход, закономерности и конкретно-исторические особенности. Следует заметить, что этому аспекту, на наш взгляд, большее внимание уделяется историками и меньшее - этнографами, а нередко он вообще игнорируется. В целом выявляются особенности объекта и предмета этнической истории по сравнению с объектом и предметом этнографии, связанные прежде всего с тем, что сама этническая история является отраслью знаний, смежной между историей и этнографией.

Объект этнической истории оказывается в связи с этим довольно объектным и многосторонним - это история всех видов формирующихся, развивающихся, распадающихся или трансформирующихся историко-культурных общностей. Сюда прежде всего относится история этнических общностей на уровне основных этнических подразделений - этносов. В объект этнической истории входят также метаэтнические общности - совокупности этносов, этническая общность которых чаще всего проявляется комплексно либо по одному-двум системаобразующим факторам (например, по культуре, языку и др.), и наоборот, микроэтнические образования - этнические группы (субэтносы), при этом речь идет и о собственно этнических, и об этносоциальных общностях. Может быть исследована этническая история даже такой микроэтносоциальной единицы, как семья, что и делается, когда изучаются семейно-генеалогические группы, или просто генеалогии отдельных семей, а также семья как фактор межпоколенной трансмиссии этнических свойств. Этническая история изучает и должна изучать, кроме того, этнографические общности во всей их структурной иерархии. Выделяются две основные разновидности таких общностей: этнографические группы (подразделения этносов) и историко-этнографические общности.

На современном этапе получения и исследования нового научного знания при изучении этнической истории происходит расширение круга научных

дисциплин, вовлеченных в комплексный подход решения проблем этнической истории. И источники, и методы исследования в этом научном направлении определяют необходимость и, я бы даже выразился, обязательность комплексности исторических, филологических и антропологических дисциплин, их частных наук, субдисциплин и научных направлений. Поскольку основным научным методом этнической истории мне видится социально-исторический подход (анализ и синтез прежде всего), то и определяющее место в этой комплексности должно быть за историей и ее частными науками - отечественной историей, археологией, этнографией, этноархеологией. Из филологических дисциплин значительную роль здесь играют языковедческие науки и направления, а также фольклористика, а из антропологических - направления этнической антропологии. При изучении и решении проблем этнической истории важное место могут занимать и другие гуманитарные и естественные науки и их субдисциплины (генетика, искусствоведческие науки и т.д.).

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект N 00-06-80285

**ПЕТР КАЗИМИРОВИЧ ЯВОРОВСКИЙ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
НЕГИДАЛЬЦЕВ
ЯНЧЕВ Д.В.**

Институт истории ДВО РАН Владивосток

Одним из незаслуженно забытых этнографами исследователей негидальцев был горный инженер и исследователь Кербинского края Яворовский. Яворовский Петр Казимирович родился в 1862 г. на Украине, учился в реальном училище г. Елизаветграда, затем в Горном институте Петербурга, который блестяще закончил в 1888 г. С 1888 по 1891 гг. он служил в Зейской золотопромышленной компании в Амурской области, где вел разведку россыпных и коренных местонахождений золота. Он собрал материальные описи и опубликовал их в трех статьях в записках Императорского минералогического общества. С 1891 по 1897 гг. он работал на Урале и в Сибири (Красноярский округ, Суженский угленосный район и др.). В 1898-1902 гг. Петр Казимирович был начальником амуро-приморской геологической партии. Организованные затем исследования обитателей этой части Сибири явились следствием ходатайства горных инженеров после доклада, сделанного Яворским.

Экспедиция 1901 г. в бассейнах р. Керби, Нимана и Селемджи охватила и верховских негидальцев, подробное описание которых (численность, родовой состав и описание стойбищ) Петр Казимирович подробно излагает в одном из своих отчетов: «Селение Дуки в 150 верстах выше Керби расположено,

возможно, в устье реки Дуки, ранее оно находилось в 16 верстах выше устья р. Дуки. Имеется 5 жилищ всего 17 человек преимущественно негидальцев Аюмкан (Qualonue), Муктыгир, а также тунгусов Озон, Бота, Боту, Valəhul. Тунгусы пришли с Май, численность не уточнена. Тэтыканна находится в 41 версте выше Керби на левом берегу Амгуни: 8 жилищ, 29 человек негидальского рода Аюмкан, Чокчогир, Тоёмкан. Люди живут в этом селении несколько сот лет». Вот далеко не полный перечень стойбищ негидальцев, описанных Петром Казимировичем.

Этнографические наблюдения Петра Казимировича высоко оценил В.К. Арсеньев, который заметил, что сведения Яворского и Солярского дают одинаковую численность негидальцев 357 человек, более точную, чем в материалах переписи населения у Патканова».

В том же 1901 г. Яворский изучал Николаевский золотоносный район и жил в стойбищах местных народов. В 1910 г. во время работ по Амурской железной дороге он исследовал площадь предметных отложений Зейско-Буреинского района, а в 1911 – производил разведку в этих новых отложениях и выяснил их золотоносность. Здоровье, расстроенное в тяжелых условиях работы в Сибири, не позволило Яворскому продолжить полевые исследования и с 1912 г. он занимался обработкой накопленных данных, составил точные карты Кербинского района, напечатанные в 1930 г. и хранящиеся в Архиве Русского географического общества. Там же находится карта с подробным перечнем негидальских стойбищ. Собранный им этнографический материал (полевые дневники) хранятся в Архиве бывшего Императорского минералогического общества в Санкт-Петербурге. Описания касаются хозяйственных построек, способов обработки рыбьей кожи, охотничьего промысла. Есть небольшая информация о трех негидальских родах, которые держали оленей. «Род Нясикагир пришел на Амгунь с Охотского побережья с оленями и держал оленей во время нашего пребывания в Кербинской партии». Эта же информация находит свое подтверждение несколькими годами позже у Л.Я. Штернберга. Таким образом, это практически единое свидетельство о наличии у негидальцев этого рода собственных оленей, чего в дальнейшем мы уже не встречаем. Все это представляется нам очень ценным и позволяет выйти на этногенетические особенности негидальского этноса. Умер П.К. Яворский в 1920 г. в Ленинграде в возрасте 58 лет.

Таким образом, Петр Казимирович Яворский являлся многосторонним ученым, интересовавшегося помимо геологии и этнографией и оставившего после себя замечательное наследие, которое ждет своих благодарных исследователей. Наиболее полный список работ Яворского представлен в библиографическом указателе, изданном в Хабаровске в 1935 г. и в работе Э.Э. Анерта «Богатство недр Сибири».

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

РОМАНОВА Л.И.

*Дальневосточный государственный университет, Институт человековедения
Владивосток*

Человек очень незащищенное, хрупкое создание природы. Он может погибнуть от очень большого числа причин, вызванных аномальными природными явлениями. В то же время, как это не парадоксально, во многих случаях создание источников опасности как раз является делом рук самого человека. Сейчас, оценивая многие произошедшие негативные события в обществе, все чаще говорят о «человеческом факторе». Порой слишком велика оказывается цена ошибки конкретного человека. К сожалению, современный уровень знаний и опыт не позволяет в полной мере защитить общество от опасного поведения его отдельных индивидов. Вряд ли можно привести перечень всех несчастных случаев, которые явились результатом неосмотрительности, неосторожности, незнания и тому подобному поведению людей, что привело к негативным последствиям, причинению вреда здоровью и даже смерти.

Прежде всего, это деяния криминального характера, которые посягают на здоровье и жизнь человека, влияют на безопасность жизнедеятельности населения общества. К их числу относятся террористические акты, «заказные» и бытовые убийства, умышленные поджоги, взрывы, иные многочисленные общественно опасные деяния, сопряженные с насилием над личностью, посягающие на здоровье и жизнь человека¹ и т.п. К ним тесно примыкают и неосторожные преступления, которые по своим негативным последствиям и причиняемому вреду, нередко даже превосходят умышленные. Слишком велико число людей, потерявших здоровье или погибших в результате техногенных катастроф, во время военных конфликтов, от несчастных случаев на транспорте, отравлений, утоплений, самоубийств и т.д.

Безопасность жизнедеятельности человека – это очень емкое и многоплановое понятие. Кроме наличия или отсутствия аномальных явлений природы на той или иной территории, она во многом зависит от уровня распространенности негативных социальных факторов, которые создают сложную обстановку, подчас высоко криминальную, нравственно отрицательную, опасную для многих видов деятельности, здоровья и самой жизни людей. Однако при всей важности и значимости системы мер безопасности в современное время в общей теории права отсутствует соответствующий раздел. Меры безопасности как самостоятельный вид предупредительного воздействия до сих пор в должной мере не признаны российской криминологией. Их широкое практическое применение не нашло своего отражения и в теории предупреждения преступности. Меры безопасности в качестве особого вида правовых последствий преступного деяния не выделяет и российская уголовно-правовая наука. Все это создает

определенные трудности в обеспечении безопасности жизни и деятельности населения нашего общества.

Уголовное право охраняет достаточно широкий круг отношений от преступных посягательств на установленный в обществе порядок, гарантирующий безопасность жизнедеятельности людей. На современном этапе развития российское государство признает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (статья 2 Конституции РФ). Объявляя приоритетным направлением социальной политики, здоровье и жизнь человека, государство максимально стремится к созданию благоприятных условий для нормального существования своего населения. В числе средств немаловажная роль принадлежит закону, силой которого обеспечивается охрана природы, экологии, общественной безопасности, порядка, нравственности, соблюдение норм и правил обращения с источниками повышенной опасности и т.д.

Нередко причинами возникновения наиболее опасных эпидемий, массовых заболеваний, когда под угрозой оказывается жизнь населения конкретного города, района, региона, оказываются его жители. Во избежание подобных ситуаций государство устанавливает санитарно-эпидемиологические правила, которыми обеспечивается предупреждение и ликвидация эпидемий, очагов инфекционных заболеваний и поддержания санитарно-эпидемиологического благополучия населения как определенного состояния общественного здоровья и среды обитания людей, при котором отсутствует опасное и вредное влияние ее факторов на организм человека. В случае несоблюдения установленных правил предусматривается уголовную ответственность, которая впервые была введена в 1994 году. С принятием нового Кодекса к уголовной ответственности могут быть привлечены лица, которые нарушили установленные правила, что повлекло наступление массовых заболеваний или отравлений (ст. 236).

Но, несмотря на все усилия государства, сегодня очевидно, что в современном обществе жить опасно. Все его внутреннее и внешнее обустройство (в широком смысле слова) далеко от совершенства и не позволяет создать эффективную систему защиты для всего населения. Большое количество источников опасности объективного и субъективного характера, существующих в реальной действительности, очень часто оказываются сильнее всех мер, придуманных человечеством в целях их предупреждения или борьбы с ними. Во многих случаях общество, не имея отлаженной системы прогноза возникновения источника опасности, характера оценки размера разрушительной силы, несущей вред здоровью и жизни людей, вынуждено преодолевать лишь последствия от негативных явлений природы или рук человека.

Важное место в этом деле принадлежит информированности населения о возможной опасности. Так, полная и объективная информация о приближающемся извержении вулкана, землетрясении, тайфуне, утечке радиоактивных веществ или отравляющих газов, об аварийном состоянии каких-либо объектов, о произошедшем массовом отравлении и возможной эпидемии, о наличии иных явлений, создающих опасность для жизни или

здоровья людей либо для окружающей среды, может стать гарантией принятия своевременных и эффективных мер защиты. К сожалению, на современном этапе обязанность властей информировать население о возможной опасности не всегда исполняется, что продолжает оставаться одним из непреодолимых противоречий нашего общества. Сегодняшняя реальность очень напоминает замкнутый круг. Недостаток полной информации, влечет растерянность, сеет страх, не дает возможность вовремя сориентироваться для принятия необходимых мер защиты как населению, так и власти. Но с другой стороны, заострение внимания только на негативной информации (терроризме, убийствах, эпидемиях, криминальных разборках, алкоголизме, наркомании и т.д.) усиливает безысходность, обреченность, равнодушие к чужой, а нередко и собственной жизни. В таком замкнутом пространстве объяснимы причины опасного поведения людей, распространения в их среде поиска крайне отрицательных, нередко смертельных выходов из тупиковых ситуаций. Наша страна последние годы занимает одно из первых мест в мире по уровню суицида, растет число умерших от внешних причин, от насильственной смерти.

Изменение сложившейся практики было возможным только на законодательном уровне. Не случайно в Уголовном кодексе РФ была предусмотрена уголовная ответственность за сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ст. 237 УК РФ). Появление новой статьи в УК РФ (1996 г.), которая ранее не была известна ни советскому, ни российскому законодательству, стало не только данью времени, но и уголовно-правовой гарантией права граждан на получения своевременной и исчерпывающей информации о любых обстоятельствах, в той или иной степени затрагивающих их жизнь и здоровье.

**КЛАСТЕРИЗАЦИЯ СМЕРТНОСТИ СРЕДИ ЛИЦ,
ЗЛОУПОТРЕБЛЯЮЩИХ
ВНУТРИВЕННЫМ ПРИЕМОМ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ
НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ ЗА 1991 – 2000 ГОДЫ**
КИРДЯПКИНА А.В., ШЕРСТЮК Б.В., ШОРИН В.В.,
ГАЛАКТИОНОВ О.К., ТЕРЕНТЬЕВ Ю.Б.

Владивостокский медицинский университет, ФПК Владивосток

Сложившиеся ситуация с заболеваемостью наркоманией и злоупотреблением наркотиков во всех странах, не может не влиять на размер смертности и ее виды. Сведения о смертности лиц, применявших внутривенное введение психоактивных веществ имеют большое сходство во многих цивилизованных странах Европы и Америки. Стандартизованные показатели смертности колеблются от 2,9 до 15,3 на 100 тысяч населения. В среднем по России на каждые 100 тысяч населения приходится 1,3 случаев смерти

потребителей наркотиков. Следует отметить, что основными причинами смерти наркоманов обычно называют острые отравления (от 78 до 86,4%), самоубийства (5,8%), опосредованные приемом наркотиков соматические заболевания (СПИД, инфекционно-септические осложнения и т.д.). Нам не удалось найти исследований по поводу убийств, среди лиц, злоупотребляющих приемом психоактивных веществ, хотя упоминания о том, что в данной группе лиц довольно часто встречается агрессивное поведение, имеются в работе ряда авторов.

В Приморском крае в период с 1991 по 2000 годы смертность среди лиц, злоупотребляющих внутривенным приемом психоактивных веществ, возросла более чем в 143 раза, при расчете на 100 тысяч населения и в 95 раз - при расчете процентного отношения к общей смертности в крае.

Нами были проанализированы 670 случаев смерти наркозависимых от различных причин (насильственных и ненасильственных) на территории Приморского края (в 17 населенных пунктах) за период с 1991 по 2000 годы. Для этих целей мы применили кластерный анализ по 34 основным признакам (годы, пол, возраст, обнаруженные в биологических средах психоактивные вещества, причины смерти, места обнаружения трупов, времена года).

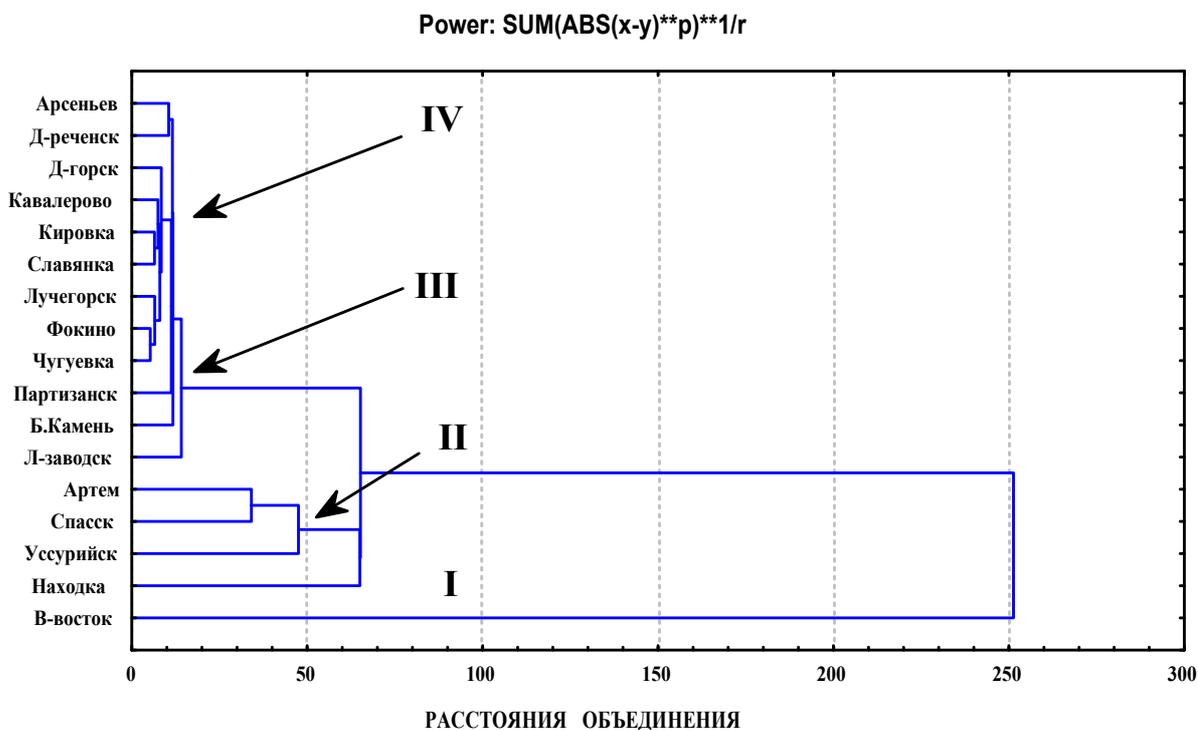
Детерминированный подход к изучению изменчивости переменных признается не вероятностным, а имеет строго определенный результат, при котором исключаются случайные воздействия. Иначе говоря, в детерминированной модели выбирается та стратегия, которая в решении задачи гарантирует лучший аналитический результат в данной совокупности входных значений.

Применение иерархического агломеративного метода к 34 признакам (рис. 1) позволило на *первом этапе* выявить их схожесть в кластеризации в следующей последовательности. Наибольший коэффициент схожести между следующими населенными пунктами *III и IV кластеров*: с.Чугуевка, г. Фокино, п. Кировский, п. Славянка, п. Кавалерово, г. Лучегорск, г. Лесозаводск, г. Партизанск, г. Арсеньев, г. Большой Камень, г. Дальнегорск и г. Дальнереченск. Проведенный анализ говорит о том, что в выше перечисленных населенных пунктах структура потребляемых всех психоактивных веществ, смертности и распространенность злоупотребление внутривенным приемом однородна и незначительна по отношению к более крупным промышленным городам Приморского края.

Наибольшее различие в расстояниях (рис. 1) приходится на город *I кластера* – Владивосток, который характеризуется массовой наркотизацией молодого, репродуктивного населения (20-29 лет), сопровождающейся высокой смертностью. В структуре смертности основную долю составляют острые отравления от передозировки психоактивных веществ. Это возможно связано с распространением в последние годы поступления на наркорынок некачественных наркотиков (с большим количеством токсических примесей), а так же отсутствие достаточного опыта внутривенного введения психоактивных веществ, что ведет к частой летальной передозировке.

Средний *II* кластер (рис.1) занимает промежуточное расстояние между выше перечисленными кластерами, и в него входят города Находка, Уссурийск, Спасск и Артем. Данные населенные пункты характеризуются неблагоприятной негативной наркотической ситуацией, сопровождающейся высокой смертностью.

Таким образом, в ходе анализа получен первый уровень четырех

кластеров схожести по совокупности 34 признаков в 17 населенных пунктах Приморского края. Рисунок 1. Дерево объединения смертности в населенных пунктах Приморского края по совокупности 34 переменных методом одиночной связи (агломеративная – обобщающая кластеризация)

Второй этап кластерного анализа позволяет, с использованием метода дисперсионного анализа, получить оптимальную кластеризацию. Применив итеративно-дизитивный (division - деление) метод, где, исключив из анализа некоторые переменные и не достоверно значимые признаки (сократив, таким образом, число параметров), мы получили более отчетливо выраженные группы с оптимальной кластеризацией. Для того чтобы определить в кластерах статистические значения параметров для какой-то конкретной группы, мы, с помощью дисперсионного анализа, сравним результаты выделенных признаков в четырех отдельных выборках одной и той же популяции.

Метод дисперсионного анализа состоит в определенном разбиении общей суммы квадратов отклонений наблюдаемых значений от значений, ожидаемых исходя из теоретической модели. Это разбиение соответствует числу оцениваемых параметров и позволяет выявить соответствующую вариабельность.

Первый кластер отражает смертность, связанную с наркологической ситуацией в г. Владивостоке по совокупности 34 признаков. Оценка влияния

отдельных факторов, а также их взаимодействие между собой, позволили иерархически классифицировать следующее. Наблюдается аддитивный эффект таких признаков как: мужчины, 2000 год, возраст с 20 до 29 лет, квартира и отравления, существенно вносящих в дифференциацию всех четырех кластеров, а в первую очередь – I кластер. Полученные пики на рисунке визуально отражают выше приведенные табличные данные.

Второй кластер представлен городами: Артем, Находка, Спасск, Уссурийск и характеризуется аналогичной выше указанной иерархической классификацией признаков I кластера, с меньшей степенью выраженности, но отличающейся от последующих в III и IV кластерах.

В третий и четвертый кластеры вошли города: Арсеньев, Б. Камень, Дальнегорск, Дальнереченск, Лесозаводск, Партизанск и п. Кавалерово, п. Кировский, г. Лучегорск, п. Славянка, г. Фокино, с. Чугуевка (соответственно). Совокупность 34 признаков вносит в дифференциацию этих кластеров однородный вклад (рис. 2 и табл. 1).

По характеру оценки смертности, связанной с внутривенным приемом психоактивных веществ, можно судить по совокупности 5 достоверно значимых ($P < 0,00001$), вовлеченных в дисперсионный анализ (*мужчины, 2000 год, возраст с 20 до 29 лет, квартира и отравления*). Такая негативная ситуация свойственна только для крупных промышленных городов Приморского края. Эти параметры позволяют оценивать влияние факторов, указывающих на дальнейший неблагоприятный прогноз и «омоложение» наркологической ситуации в Приморском крае и связанной с ней смертностью.

Наибольшее количество входящих в анализ признаков выпадает на г. Владивосток. Из них пик смертности (насильственной и ненасильственной) начиная с 1997 года приходится на более молодой возраст.

В структуре смертности преобладают насильственные причины и особенно острые отравления. В городах Находка, Уссурийск, Спасск, Артем смертность, связанная с внутривенным приемом психоактивных веществ, приближается по характеристикам к ситуации со смертностью в г. Владивостоке.

В остальных населенных пунктах ситуация со смертностью среди лиц, злоупотребляющих внутривенным приемом психоактивных веществ, схожа и не носит по ряду социально-экономических и криминогенных факторов, связанных с наркотизацией, такой угрожающий характер.

Резюмируя выше изложенное можно говорить, что в прогностическом плане г. Владивосток резко выделяется по рынку сбыта и потреблению. Результаты анализа полученных нами данных косвенно указывают на то, что рынок поставок и сбыта наркотиков находится в портовых городах Приморского края (Владивосток, Находка). Более детальный прогноз, требует мониторинга наркологической ситуации в целом с учетом социально-экономических, медицинских и криминогенных данных, по которым можно строить более реальный прогноз. Но подобное исследование выходит за рамки целей и задач изложенной работы.

ВЫВОДЫ:

Анализ географии распространения смертности среди лиц, злоупотреблявших внутривенным введением психоактивных веществ, установил, что смертность в крупных промышленных городах края достоверно значимо выше (96,5%), чем в сельской местности (3,5%).

Кластеризация 17 населенных пунктов по совокупности 34 признаков выделила четыре кластера ($P < 0,0001$). *I кластер* образовал г. Владивосток, характеризующийся аддитивным эффектом таких признаков как: мужчины, 2000 год, возраст с 20 до 29 лет, квартира и отравления. *II кластер* представлен городами: Артем, Находка, Спасск, Усурийск и характеризуется аналогичной выше указанной иерархической классификацией признаков *I кластера*, с меньшей степенью выраженности. В *III и IV кластеры* вошли города: Арсеньев, Большой Камень, Дальнегорск, Дальнереченск, Лесозаводск, Партизанск и п. Кавалерово, п. Кировский, г. Лучегорск, п. Славянка, г. Фокино, с. Чугуевка (соответственно), в которых ситуация со смертностью среди лиц, злоупотребляющих внутривенным приемом психоактивных веществ, схожа между собой и относительно «благоприятна».

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ МАЛОЧИСЛЕННЫХ СУБПОПУЛЯЦИЙ

КОНОПЛЕВ А.Е., ГАЛАКТИОНОВ О.К., ШОРИН В.В.,
УШАКОВ В.В., ДАШИЕВА Б.А., ГУРОЖАПОВА Ц.В.

*Владивостокский государственный медицинский университет, ФПК
Владивосток*

Уровень психического здоровья человека зависит от многих культуральных факторов: исторических особенностей существования нации, её доминирующих религиозных убеждений, системы отношений в семье, подходов к воспитанию детей, национальных обычаев, традиций, ритуалов, ценностных ориентаций. Все эти факторы определяют культуральное своеобразие отдельно взятого этноса, его этнический менталитет, и, возможно, являются необходимым условием для сохранения конкретного этноса как такового. С точки зрения социально-биологической концепции Е. Wilson генетическая эволюция и культуральная эволюция неразрывно связаны между собой. При этом этнические особенности реагирования (как физиологические, так и патологические) определяются в равной степени нейробиологическими характеристиками и социально-культуральными условиями.

Северные территории России населяют 11 миллионов человек. Из них – 200 тысяч относятся к 30 малочисленным коренным народам. Прокатившаяся по России волна рыночных реформ и кризис не замедлили отразиться на жизни северного села. На сегодняшний день наблюдается значительный отток квалифицированных кадров из сельской местности, что ведёт к разрушению инфраструктуры. В селах отсутствует централизованное снабжение

медикаментами и продовольствием, разрушена и не функционирует государственная сеть магазинов. Заработная плата либо вовсе не выплачивается, либо её выплата задерживается на неопределённые сроки. Северяне вынуждены сдавать свою продукцию заезжим коммерсантам, по дешёвке или беря за плату суррогатные спиртные напитки, что ещё более усугубляет и без того неблагоприятную наркологическую ситуацию в посёлках, способствует нарастанию криминагенности, а в ряде случаев напрямую граничит с ней. Местные власти, связанные с полукриминальными структурами зачастую занимаются произволом, думая о сиюминутной выгоде, варварски обращаются с природой – исконной средой обитания коренного населения. На севере Западной Сибири вследствие эксплуатации месторождений уничтожено более 6 млн. га оленьих пастбищ, что подрывает основу традиционной жизнедеятельности коренных народов. Малочисленные народы зависят от природно-экологических условий в большей степени, чем население индустриальных районов. Поэтому охрана природы в местах проживания коренных народов — это целевая задача сохранения этноса (П.Х. Зайдфудим, С.И. Дорожникович, 1999).

Детская смертность у северян вдвое выше, чем в среднем по России. Главные причины высокой смертности юных северян — нарушение экологического баланса территории, несбалансированное питание и как следствие — снижение иммунитета, а также алкоголизм родителей. По данным Н.И. Новиковой доля умерших в возрасте до 60 лет у представителей коренных народов составляет 70% против 30% в среднем по РФ. Это, конечно же, находит свое отражение в средней продолжительности жизни аборигенов.

Динамика рождаемости определяется совокупностью трех основных факторов: семейное планирование, возрастно-половая структура населения и социально-экономические условия. Так, если 80-е гг. государственная политика способствовала в не. которой степени улучшению демографической ситуации, прежде всего увеличению рождаемости, то в 90-е гг. и без того неблагоприятная демографическая ситуация усугубилась тяжелейшим социально-экономическим кризисом, особенно негативно сказавшимся на семье, поскольку государство, по сути, самоустранилось от решения социальных и иных вопросов. Поэтому и в дальнейшем демографическая ситуация будет ухудшаться, депопуляция усиливаться, а значение социально-экономических факторов в демографическом развитии народов Севера увеличиваться (И.Н. Гаврилова, 1999).

В течение многих тысячелетий народы Севера вырабатывали и совершенствовали способы выживания и нормального существования в суровых экстремальных условиях. Достаточно сказать, что две эвенкийки могут поставить зимой чум диаметром 5 м всего за 20 минут. И это жилище будет надежно защищать от трескучих морозов и северного ветра.

Коренные народы Севера сохранили традиции щадящего природопользования — они ведут свое хозяйство таким образом, чтобы ресурсов хватало не только всем членам родовой общины, но и потомкам. "Не брать у природы ничего лишнего" — вот главный принцип такого

хозяйствования, забытый теми, кто уже 40 лет беспощадно эксплуатирует и порой из-за сиюминутной выгоды губит то невозполнимое богатство, которое принадлежит не только тем, кто пришел сегодня на Российский Север с целью взять, добыть, схватить, урвать. Что такая цивилизация оставит потомкам?

Этноразнообразие Земли, как и ее биоразнообразие, с каждым годом уменьшается. Сегодня многие малочисленные коренные народы близки к исчезновению. Заметим, что часто международные организации уделяют больше внимания сохранению краснокнижных видов животных и растений, чем исчезающим народам (различные программы ООН, решения форума Рио-1992, деятельность Фонда сохранения дикой природы и т.д.). Этнокультуры начинают вымирать с потерей языка коренного народа, его быта и культуры. А начинается этот процесс с утери навыков ведения традиционных отраслей хозяйствования в местах исконного проживания коренных народов.

Российская (Советская) национальная политика признавала лишь этническую самобытность коренных народов, но не хозяйственную. У коренных народов тяга к ведению традиционных отраслей хозяйствования была настолько высока, что коллективизация на Севере продолжалась вплоть до 60-х гг. Мало кто знает сегодня, что чукчи-оленоводы в Чаунском районе оказывали вооруженное сопротивление властям, стремящимся насильно загнать их в колхозы, вплоть до конца 50-х гг.. Безусловно, коренные народы должны иметь право и возможности заниматься традиционными отраслями хозяйствования.

Сложившаяся негативная медико-социальная и социально-экономическая ситуация способствует нарастанию криминогенности; направлена на постоянный стресс и развитие психических расстройств у коренного населения, что говорит о срочной необходимости проведения превентивных и психокоррекционных программ среди коренного населения. Для этого требуется мониторинг и проезд комплексных медицинских бригад не реже двух раз в год, которые должны работать в полном взаимодействии и взаимопонимании в первую очередь с медицинскими учреждениями и районными администрациями.

Выход из сложившейся крайне неблагоприятной для коренного населения ситуации нам видится в следующем:

поскольку подавляющая часть трудоспособного населения занята рыбным промыслом, заготовкой мяса и пушнины, представляется целесообразным разработать четкую социально-экономическую программу, направленную на организацию государственного контроля за добычей и закупкой пушнины, рыбы, икры, мяса у местного населения, что позволит улучшить социально-экономическую ситуацию в поселках, создаст ряд новых рабочих мест, легализует промысловую деятельность коренного населения и обеспечит регулярное транспортное снабжение и финансирование, тем более, что положительный опыт такого хозяйствования существует за рубежом – примером могут служить норвежские саамы;

необходимо наладить регулярное централизованное снабжение медикаментами и продовольствием (возможно по пути бартера, но под государственным контролем);

обратить внимание на возможность организации смежных отраслей хозяйствования (индустрия туризма, транспорт, обслуживание инфраструктуры) в которых может быть занято местное население, имеющих целью дать дополнительный источник доходов и целый ряд новых рабочих мест;

необходимо изучить рынки сбыта товаров, разработать и реализовать программы их реализации, а также готовить специалистов по исследованию рынка (маркетингу) и экономике, а также специалистов для сферы здравоохранения, образования и т.д. из числа коренных жителей.

Итак, сохранение коренных народов Российского Севера возможно лишь в местах их исконного проживания, в привычной этносреде. Осуществить это возможно только на основе развития традиционных отраслей хозяйствования, которые должны быть ориентированы на сбыт произведенной продукции (услуг) не только на местном (внутреннем), но и на внешнем рынке. Оказать помощь коренным народам в организации сбыта продукции, в продвижение северного товара на рынок и должны федеральные власти.

Завершить статью нам хочется словами П.Х. Зайдфудим о том, что успешное решение проблем коренных народов Севера — это и залог успешного решения социально-экономических проблем и других народов многонациональной России. В нашей стране есть общественные силы, способные возродить поселения, города, регионы, национальные районы в непростых условиях рыночных реформ. Государство же в лице федеральных ведомств должно координировать региональную политику и силы народов, стремящихся занять свое достойное место в будущем тысячелетии.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ «ВАЛА ЧИНГИЗ-ХАНА»

АЛКИН С.В.

Институт археологии и этнографии СО РАН г. Новосибирск

Вопрос о присутствии киданей на крайнем северо-западе Маньчжурии и их отношений с народами, населявшими территории Восточной Монголии и Забайкалья, в российской историографии до сих пор находится лишь в начальной стадии изучения. В то же время, хорошо известно, что влияние киданей – особенно в эпоху их великодержавия – на судьбы народов Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока было весьма значительным [Ивлиев, 1986]. Число киданьских древностей, изученных археологами в бассейне Верхнего Амура пока незначительно. Однако самое грандиозное в этом регионе сооружение киданьского времени известно науке почти полтора века.

Это система фортификационных сооружений, обозначаемая на географических картах как «вал Чингиз-хана». Его протяжённость около 700 км. На своём пути он дважды пересекает современные государственные границы. Западный монгольский участок начинается в междуречье верховьев рек Онон и

Улдз-гол (48°27'с.ш., 111°29'в.д.), откуда вал идёт севернее р. Керулен и в районе горы Цагаан-тологой переходит границу с Китаем. Эта часть вала вместе с небольшим (40 км) отрезком на территории аймака Хулун-Буйр автономного района Внутренняя Монголия КНР имеет протяженность около 400 км. Границу с Россией «вал Чингиз-хана» пересекает юго-западнее пос. Забайкальск. Далее он идёт в направлении ВСВ проходит восточнее рудника Абагайтуй до с. Кайластуй и приближается к берегу р. Аргунь. В систему из пограничного вала и укрепленных городков на территории российского Приаргуныя входит, по меньшей мере, девять городищ, которые располагаются на расстоянии через каждые 15-30 км. По китайской стороне Аргуни вал следует параллельно руслу реки. Далее от места впадения в Аргунь р. Ган (Гэньхэ) начинается последний участок этого сооружения: через Лабудалинь до Шанкули, где в районе с координатами 50°15'с.ш., 120°24'в.д. он заканчивается.

Современная высота вала достигает полутора метров с шириной до 15 м. Первоначальная высота могла быть довольно значительной, но т.к. сооружение было в основном грунтовым, то и степень оплывания его оказалась велика. С северной стороны «вала Чингиз-хана» сохранились следы рва, что недвусмысленно свидетельствует о направлении линии обороны.

В ходе академической экспедиции 1915 г. в северо-западный район Маньчжурии и прилегающих степей Барги С.М. Широкогоров и его спутники на маршруте от устья р. Ган до пос. Олочи на р. Аргунь имели возможность осмотреть остатки этих древних фортификационных сооружений: «Теперь вал представляет собою невысокий, частью совершенно разрушенный гребешок, в высоту едва ли более двух аршин. В некоторых местах возле вала остались следы городков. Так верстах в шести от устья Гана находится городок, где жителями были найдены черепицы, каменные плиты и изваяния, употребленные ими на украшение церкви в пос. Новом Цурухайтуе» [Широкогорова, 1919, с.114-116]. В том же году археологическую разведку этого городища осуществил казачий полковник П.П. Орлов из Читы, но результаты этих работ не были опубликованы.

Первое описание «вала Чингиз-хана» принадлежит перу П.А. Кропоткина, который в 1864 г. совершил путешествие от забайкальского Старо-Цурухайтуевского караула через Аргунь и далее в Маньчжурию [Кропоткин, 1983, с.108]. Известно что он произвёл раскопки в Ханкулато-Хото на территории т.н. «Чингиз-ханова городища». В дальнейшем многие российские путешественники посещали как сам вал по всей его линии в пределах бассейна р. Ган, так и сопутствующие ему городки [Манакин, 1898, с.7-9]. Как правило, ограничиваясь описанием увиденного, они не ставили вопрос о выяснении действительной исторической принадлежности древнего фортификационного сооружения, которое местное население связывало с именем основателя монгольской империи либо, как это передано в отчёте Е.Н. Широкогоровой, с именем знаменитого князя Гантимура [Широкогорова, 1919, с. 115].

Новый этап в изучении «вала Чингиз-хана» был связан с деятельностью русских исследователей, работавших в Харбине. Известно, что во второй половине 1920-х годов вал в Барге обследовал сотрудник Экономического бюро

КВЖД В.А. Кормазов. Впервые же вопрос о том, что т.н. «валы Чингиз-хана», известные в разных районах Маньчжурии, могут иметь неодинаковую культурную принадлежность поставил археолог В.В. Поносов. Он поместил на археологической карте Маньчжурии два «пограничных» вала, носящих имя Чингиз-хана – северный и южный, а также отметил наличие более ранних, предположительно бохайского времени валов в районе р. Муданьцзян [Поносов, 1935]. Этому предшествовали полевые исследования в бассейне р. Ган и в районе среднего течения р. Нонни. С 1934 г. Баргинский (Хулунбуирский) археологический отряд под руководством В.В. Поносова начал исследования по маршруту от оконечности вала у дер. Шанкули (на реч. Кулихэ неподалёку от её впадения в р. Ган) до устья Гана. Тогда же обследованы древние городища: два в районе Шанкули и одно вблизи пос. Лабудалинь (Лабдарин), а также крупное поселение в Ханкулато-Хото в устье р. Ган и могильник у близлежащей деревни Сучиньцунь. В.В. Поносов впервые определил «вал Чингисхана» как пограничный рубеж эпохи Ляо [Поносов, 1991, с. 185-186].

В 1939 и 1941 гг. В.В. Поносов обследовал с проведением археологических работ фортификационные сооружения «Урко» (южный «вал Чингисхана») в предгорьях Большого Хингана в районе впадения в Нонни (Нэньцзян) р. Номиньхэ. Западная оконечность этого вала расположена около г. Баотоу во Внутренней Монголии. Это сооружение в отличие от приаргунского было определено как сооружение эпохи Цзинь [Поносов, 1991, с.188]. Цзиньскую принадлежность вала Урко подтверждают современные исследования современных китайских археологов [Тань Инцзе и др., 1991, с.139].

Что касается северного «вала Чингиз-хана», то работы по его изучению были возобновлены китайскими исследователями в 1975 г. Во время обследования западной части аймака Хулун-Буйр археологи из Музея провинции Хэйлуцзян посетили древнее городище Хото-Таохай на северном берегу р. Хайлар (в 30 км севернее г. Хайлар), а также вал на участке по р. Гэньхэ. Была собрана коллекция ляоской сероглиняной керамики с гребенчатыми оттисками. Китайские исследователи (без упоминаний о выводах В.В. Поносова, которые им хорошо известны) определили время сооружения самого вала и городища эпохой Ляо. Сопоставление археологических данных со сведениями исторических источников позволило выдвинуть предположение, что создание такой системы пограничных оборонительных сооружений было связано с обороной северо-западных пределов империи от нападений племён *угу*, *юйцзюэ*, *шивэй* и *северных цзубу*. Необходимость в этом, скорее всего, назрела во времена правления киданьских императоров Шэн-цзуна и Син-цзуна (983-1055 гг.) [Цзин Ай, 1982; Тань Инцзе и др., с.103, 105-106]. В настоящее время китайскими археологами обследовано более десятка городищ, входящих в одну оборонительную систему с валом [Ми Вэньпин, Фэн Юнцзянь, 1990].

Данные китайских археологов согласуются с результатами работ в Восточном Забайкалье. Вывод о киданьской принадлежности Коктуйского городища у «вала Чингиз-хана» в районе пос. Забайкальск был сделан С.В. Киселёвым, но от окончательной атрибуции самого вала исследователь

воздержался [Киселёв, 1958, с.108-109]. В 1994 г. охранные раскопки в районе г. Забайкальска провели читинские археологи [Кириллов, Ковычев, Литвинцев, 2000, с.106]. Результаты стратиграфического изучения вала подтвердили киданьское время его сооружения.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №00-01-00351.

РИТУАЛЬНАЯ АТРИБУТИКА ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА ПРИМОРЬЯ

ТАБАРЕВ А.В.

Институт археологии и этнографии СО РАН г. Новосибирск

В последние 5-7 лет, благодаря интенсивности полевых исследований степень изученности эпохи финального палеолита Приморья приятно радует динамикой и разнообразием. В первую очередь, это относится к устиновско-суворовской группе местонахождений в восточной части региона. Наряду с традиционными – технологическим и палеоэкономическим направлениями – появилось значительное количество публикаций, посвященных анализу планиграфии стоянок, фиксации жилых конструкций, палеоэкономическому мониторингу, пространственно-временным связям. Все это логично приближает исследователей в предверии 50-летия открытия устиновских комплексов к возможности интерпретировать имеющиеся материалы в рамках «культуры»(археологической), а не просто «локального варианта финальнопалеолитической индустрии». Все более возможным становится всесторонняя атрибуция этой культуры.

Не последнее место в этом наборе атрибутов занимают материальные свидетельства декоративного, культового и ритуального порядка. Несмотря на многократно упоминавшиеся специалистами особые условия устиновских комплексов (кислотность почв, отсутствие органических остатков), количество таких свидетельств постепенно нарастает. Попытки их обобщения (в рамках региона, периода, мифологического контекста) уже неоднократно предпринимались. К таковым свидетельствам относится фигурка рыбы из коллекции Устиновки Ш, две фигурки рыб, одна – медведя и одна, предположительно, птицы из коллекции Устиновки 1, а также бифас с отпечатком листа (“floral print”) из комплекса Суворово У1. Недавно В.И. Дьяков сначала в небольшой статье, изданной за рубежом, а затем в автореферате диссертации описал любопытнейший комплекс «...скопление из семи бифасов, обнаруженных между жилищами 1 и 3 в компактном залегании (0,3x0,3 м) вокруг более крупного бифаса, установленного вертикально, на крошечном земляном холмике», зафиксированный при раскопках памятника Устиновка 1У.

Несмотря на отсутствие сопроводительного иллюстративного материала, этот сюжет нашел необычное продолжение в находке, сделанной в 1999 г. на стоянке Суворово 1У. При разборке нижней части культуросодержащих отложений был обнаружен шестигранный каменный «стержень», помещенный под углом около 60° между небольшими валунами элювиальной поверхности цоколя. Его длина – 245 мм, ширина граней А-D-C-D-E-F соответственно 21-30-19-31-23-16 мм. Вокруг «шестигранника» явно фиксируется повышенная концентрация морфологически выраженных находок и две рабочие площадки.

Даже при внешнем осмотре очевидна дефлированность предмета. Предварительный трассологический анализ не выявил на находке следов использования, огня или минеральных красителей. Петрографический материал «шестигранника» определяется как кварцитовый порфир или андезит-дацитовый порфир столбчатой отдельности с гексагональным сечением. Интересно, что у специалистов Новосибирска и Владивостока, проводивших параллельное описание шлифа, совершенно противоположные мнения по вопросу о «естественном» или «антропогенном» характере гранения находки. В любом случае, придал ли древний человек камню форму намеренно или камень является «манупортом» - очевиден факт его использования в определенном контексте. А именно: 1) мобильном (портативном) контексте – как жезла, шаманской принадлежности, предмета с зашифрованной палеоастрономической информацией и т.д. или 2) стационарном контексте данной стоянки, как места сезонного пребывания финальнопалеолитического человека. Оба варианта заслуживают специального рассмотрения.

Если предварительно очертить круг возможных (близких и косвенных) аналогий, то сюда можно отнести находку типа прото-кокэси в комплексе Ивата «...на длинной, цилиндрической в поперечном сечении гальке...» (Деревянко, 1984) с возрастом чуть моложе 16 тыс. лет; любопытный стержневидный камень, найденный в вертикальном положении на одной из селемджинских стоянок (Деревянко, Волков, Хонджон, 1998); уже упоминавшийся комплекс из бифасов на стоянке Устиновка 1У; обломок камня (овального в сечении) с гравировкой из подъемных сборов на Фирсановой Сопке (Табарев, Крупянко, 1996); а позднее – изделия типа сэкибо из камня и глины, фиксируемые теперь, как по японским, так и по амурским неолитическим поселениям (Васильевский, Лавров, Чан Су Бу, 1982; Медведев, 1997); каменные столбы в комбинации с каменными кольцами и без них на поселениях японского дзедмона (Васильевский, 1981; Бродянский, 1987). В последнем случае, интересна высказанная ранее возможная мифологическая увязка такого камня (столба) как средства переправы через водную преграду, известная в японском и корейском изложении мифов о соляных супругах (Никитина, 1982; Бродянский, 1987).

Применительно же к устиновским материалам представляется возможность увязать имеющиеся элементы ритуального характера между собой. Фигурки с ретушью близки к бифасу с отпечатком, бифас – к комплексу из 7 бифасов, вокруг вертикально поставленного на Устиновке 1У, который, в свою очередь, повторяется в контексте находки «шестигранника» на Суворово 1У.

Новые находки позволяют более детально увязать эту (пока гипотетическую) цепочку в систему.

Есть вариант и более развернутой интерпретации. В последнее время, в связи с новыми находками с финальноплейстоценовым-раннеголоценовым возрастом в различных районах тихоокеанских побережий, все более активно высказывается мысль о морском (прибрежно-островном) пути первоначального заселения Нового Света и раннем возникновении водного транспорта в маргинальных районах Пасифики. Изобилие разнообразных и разнофункциональных деревообрабатывающих орудий на суворовских стоянках первоначально связанное нами с интенсивным лососевым промыслом и конструированием ловушек и запруд из дерева в комбинации с мифологическими сюжетами о преодолении водных преград, может быть также интерпретировано как свидетельство изготовления плавательных средств типа лодок-долбленок и более развитой формы приморской адаптации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТРУДНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОМЕНТАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ШИРОКОГОРОВ С.М.

(Глава 1 из Введения к работе Психоментальный комплекс тунгусов)

В настоящее время, возможно, нет расхождений во взглядах как на природу этнографических феноменов в целом, так и их комплексов и элементов. Они являются наблюдаемыми проявлениями приобретаемого знания, практики и поведения. Все это либо передается от одного поколения к другому, либо заимствуется от соседей или же создается личностями, которые составляют этнические объединения, которые подобно любой другой популяции обладают наборами врожденных физиопсихологических комплексов, дающих возможность на создание этнографических феноменов, или накладывающих ограничения на них. Таким образом, они имеют чисто психологический и ментальный характер, будучи формой человеческой адаптации людей, являясь результатом процесса, который я называю *ethnos*. Этнографические феномены с точки зрения комплексов и элементов – это функции и как таковые не могут быть поняты в их статических абстракциях, поэтому описание этнографического комплекса и элементов, формирующих этот комплекс, предполагает необходимость проникновения в механизм этой функции.

Поэтому этнографические комплексы охватывают большое число культурных элементов и они должны быть классифицированы некоторым образом для их описания и наблюдения. Классификация этнографических элементов и комплексов по группам 1) материальной (или технической)

культуры; 2) социальной организации и 3) психоментальному комплексу – строго технична; как я уже указывал в моей работе, имеющей дело с социальной организацией северных тунгусов, феномены материальной культуры, социальной организации и психоментальный комплекс формируют определенную систему, хорошо сбалансированный комплекс, в котором все элементы более или менее связаны и поэтому они не могут трактоваться независимо друг от друга. При таком подходе к проблеме мы можем рассматривать комплекс как взаимодействие, хотя буквально культурные элементы не действуют, а приводятся в движение людьми. Эти замечания могут быть необходимыми, чтобы показать мою точку зрения, а именно: при трактовке психоментального комплекса группировка элементов в эти 3 блока делается только для размещения фактов, которые могут быть классифицированы и другим способом.

Термином «психоментальный» комплекс я называю здесь те культурные элементы, которые состоят из психических и умственных реакций как на целое, так и его элементы – это изменяемые или стабильные, динамические или статические. Для удобства трактовки эти элементы могут быть классифицированы в 2 группы: комплекс реакций устойчивого и определенного характера (хотя они варьируют в определенной степени) и 2) комплекс мыслей, которые определяют некоторые умственные установки и которые могут быть рассмотрены как теоретическая система данного объединения (или даже индивида). Психоментальный комплекс как таковой отвечает за функционирование популяционной группы в целом. Он функционально обеспечивает или, лучше сказать, почти делает очевидным существование объединения. Фактически, психоментальный комплекс как функция адаптации к изменяющейся среде делает объединение достаточно чувствительным обладающим как ригидностью, так и гибкостью.

Действительно, этнографические факты, представленные здесь – это феномен особого характера. В случае материальной культуры – это физические объекты описанные, сфотографированные, зарегистрированные и изученные; в случае социальной организации – это связи, которые могут быть описаны как фиксированные комплексы практик; в то время как в случае психических и умственных элементов, которые формируют психоментальный комплекс, описания ограничиваются установками и идеями и только частично описанием поведения, обычаев и практик, которые могут быть описаны и очень редко сфотографированы. Таким образом, в качестве исходного материала они сильно отличаются от других этнографических данных. Это – одна из дополнительных причин для их специального изучения, хотя я всегда буду рассматривать их в связи с материальной культурой и социальной организацией. Элементы психоментального комплекса в сравнении с комплексами материальной культуры и социальной организации иногда менее стабильны, и в то же самое время, взятые отдельно, они более многочисленны и менее важны. Фактически, элементы, которые составляют, например, настоящую теорию посмертной жизни могут меняться, даже комплекс в целом может измениться и не оказать влияние на другие элементы этнографического комплекса. К тому же,

приобретение знания приводит к изменению некоторых элементов материальной культуры, которые могут быть легко приняты или отвергнуты, но не приводит к пагубным последствиям в целом. То же самое можно утверждать в отношении эстетических проявлений. Однако эти замечания не могут быть распространены на феномены чисто психического порядка в узком смысле этого слова.

Вариабельность и нестабильность элементов психоментального комплекса имеют очень общий характер – они часто заимствуются у соседей, особенно когда они не находятся в явном противоречии с существующим комплексом. Например, европейская наука, которая стала почти универсальной – один из случаев нестабильности психоментальных комплексов среди этнических объединений обязана этническому давлению европейского этнического комплекса. При условии ограниченного взаимодействия между этническими объединениями и их меньшего межэтнического давления стабильность комплексов в целом и психоментального – в частности, намного выше, чем в случае групп, живущих вдали от какого-либо сильного давления. Это может быть также показано на основе общего принципа импульсивных вариаций.

2. Трудности исследования, зависящие от характера материала.

Значение исследования комплексов было понятно давно; но оно все еще далеко от формирования точных идей о роли этих комплексов среди различных этнических групп. Есть превосходные описания различных аспектов этих комплексов, а именно: фольклора, «религии» и т.д., но еще не было успешных попыток воспроизводства систем психоментальных комплексов неевропейских народов. Одной из главных причин этих неудач был недостаток соответствующих адекватных исследований, но не менее важная причина – методологические ошибки – постулирование существования различий между способами мышления, наблюдаемыми среди «дикарей» и «варваров» по сравнению с «цивилизованным» человеком. Конечно, после провала в создании этих теоретических типов, согласно которым существующие психоментальные типы могут быть классифицированы, позиция исследователей стала в чем-то лучше, сейчас все знают, что они должны по возможности устранить влияния их собственного комплекса на выводы, основанные на наблюдаемых фактах и особенно следует устранять сознательную или бессознательную селекцию фактов, с которыми они имеют дело. В самом деле, психоментальный комплекс – достаточно трудное дело для наблюдателя. Во-первых, исследователь должен забыть, если это возможно, свой собственный комплекс и записывать факты без того, чтобы делать выбор, подобно механической аппаратуре, если можно позволить такое сравнение, не позволяя себе позитивных или негативных реакций на наблюдаемые факты и факты, которые могут быть наблюдаемы, чтобы не мешать процессу наблюдения и записи. Такое требование может показаться фантастическим, так как люди не могут абстрагироваться от своей этнической среды и они не могут быть механизмами. Когда я формулирую такое требование, я имею ввиду некий идеал исследователя, а не некое *condicio sine qua non*, проведенные исследования выполнены людьми, которые не

уделяли *внимания тому*, как они должны подходить к этому виду работы или что при этом требуется от них.

В процессе сбора первичной информации, перед тем как достичь цели своего исследования, ученый должен преодолеть трудности, возникающие из-за незнания языка. Конечно, овладение языком как комплексом грамматических правил, включающим произношение и запоминание лексического материала, не представляет больших трудностей; это только вопрос времени и памяти, но настоящая трудность приходит с семантическими различиями, - при поверхностном подходе - незначительными оттенками значений слов - и синтаксисом, которые выражают наиболее деликатные элементы психоментального комплекса. Дело в том, что, например, есть много литературных фрагментов, которые не могут быть переведены на другие языки. Трудность этой задачи хорошо известна из научных трудов, имеющих дело с индийской, китайской и греческой философией, где встречаются такие понятия как нирвана, дао, логос (по Платону), требующие долгих разъяснений, касающихся пространства и времени и до сих пор остающихся трудными и непонятными людям, которые не знакомы с предметом на языке, в котором эти понятия первоначально возникли. Трудности понимания заключаются, конечно, не в сложности этих понятий в данных комплексах, а, фактически, в их принадлежности к другим, чуждым комплексам. Даже в одном и том же языке значения слов изменяются с течением времени так сильно, что тексты уже нуждаются в длинных комментариях. Есть языки, например, китайский письменный язык, совершенное знание которого почти невозможно, если вы не живете с детства среди создателей этого комплекса. Китайский литературный язык, который существует отдельно от китайского разговорного языка и вырос, так сказать, под сложным китайским комплексом, в то же самое время глубоко коренится в них, становится более сложным для понимания и ассимиляции, чем, например, комплекс европейской науки для неевропейцев, хотя комплекс европейской науки базируется в основном на комплексе формальной логики. Действительно, в меньшей степени то же самое может быть сказано по отношению и к другим неевропейским языкам, когда они изучаются европейцами. Это хорошо известно из общей лингвистики и филологии, но их простые и важные выводы не всегда известны этнографам. Снова причина в том, что «слова», принадлежащие к иностранному языку относятся к чуждому комплексу и, когда они переводятся, мысленно они идут по существующим мыслительным каналам переводчикам (комплексу). Эта же идея может быть лучше выражена в терминах, которые я уже предложил в моей публикации «Этнологические и лингвистические аспекты» (1931). Фактически, если мы рассматриваем психоментальный комплекс, взятый в рамках способа мышления и реакций, как систему условных рефлексов, а язык как комплекс «стартеров» в смысле, что функция языка – «стартовать» соответствующие реакции у слушающего (они могут быть произведены говорящим различными способами: звуковые стартеры, зрительные стартеры), то очевидно, что когда мы «переводим» слова они вызывают другую цепь реакций, когда психоментальные комплексы разные. «Значения» переведенных слов может,

таким образом стать шире или уже, чем в родном комплексе. Более того, этот процесс только частично контролируется и проходит главным образом в подсознательных комплексах (стратах), где на него оказывает влияние хорошо известные помехи чисто психологического, а иногда даже физиологического характера в узком смысле слова. Поэтому мы часто слышим от практиков, что невозможно понять людей (язык) без любви к ним. Любовь к людям, которые являются объектом исследования, сначала может оказаться одним из условий успеха. Те, кто ненавидит объект своих исследований (среди этнических объединений – это превалирующее отношение друг к другу) в процессе понимания иностранного (чуждого) комплекса, встречаются с помехами, коренящимися в их собственном комплексе подсознательного характера, такими как страх, отвращение, антипатия и т.п. Чем больше такие комплексы отличаются и чем больше физические («расовые») различия, тем меньше возможности провести успешное исследование. Однако, любовь не может быть рекомендована в качестве средства уничтожения помех психологической природы при изучении чуждого (иностранного) комплекса. Любовь как таковая не может помочь исследователю. Более того, комплекс симпатии может повлиять на результат исследования даже если ученые научно абсолютно точны и честны. Фактически, многие специалисты, которые «любили» объект своего исследования (особенно в области этнографии*) сделали много неверных описаний, которые в крайних случаях превращаются в сентиментальную наивность европейского** комплекса.

Из-за этого комплекса симпатии элементы чуждого (иностранного) комплекса, которые находятся в конфликте с комплексом исследователя, отбрасываются или подтверждаются при рационалистическом объяснении. Поскольку любовь к своему собственному комплексу – типичный механизм сохранения существования своего этнического объединения (или только группы).

*Причина, почему этнографы наиболее задействованы, проста – этнические объединения находятся в состоянии борьбы (необязательно кровавой и трагической). Уже различные «расы» человека – это природные конкуренты. Зоолог находится в гораздо лучшем положении, чем исследователь общностей людей, так как он не «ненавидят» и не «любят» моллюсков и даже млекопитающих кроме, возможно, домашних животных и изредка обезьян, когда изучает их психику. Однако, чувство превосходства и комплекс соревнования очень часто также влияет и на работу зоологов.

** Это относится к некоторым миссионерам, которые живут среди так называемых «примитивных людей», также китайцев и некоторых других очень своеобразных групп.

комплекс симпатии влияет на исследователя, когда он имеет дело с группой, с которой он связан, либо похожего комплекса или личной привязанностью и зависимостью. Поэтому, как результат наблюдения за исследователем, мы можем сказать, что чем ближе комплексы и чем ближе

физические (расовые) черты, тем меньше возможности провести успешное исследование. Можно также заметить, что в случае комплекса симпатии исследователь, проводящий работу среди очень отличных от его собственной этнических групп, находится не в лучшем положении, так как он впадает в сентиментальность и не способен даже фиксировать наблюдаемый факт.

Эти трудности в предварительном изучении языка исследуемых групп еще не все, что предстоит преодолеть в этнографическом исследовании. Когда значения, термины или понятия ясны в комплексе, они должны быть переведены на язык исследователя, и в сознании ученого они должны быть репрезентированы в терминах научного комплекса. Выбор способа перевода и терминологии зависит, конечно, от знаний и умения исследователя, а также от степени продвинутости науки. Трудности перевода иногда настолько велики, что даже наилучшие словари европейских языков, которые содержат в общем большинство элементов европейского культурного комплекса, могут дать только приблизительное значение «слов» и должны давать ссылки на наборы синонимов. К сожалению, такие полные словари не существуют и иностранцы должны использовать знаменитые Оксфордские, Вебстеровские, Ларусские, Маерские и другие словари.

Еще большие трудности возникают с языками неевропейской группы (для писателя на одном из европейских языков) и не легче обстоит дело с языками, в которых словари еще не приняли форму указанных «больших словарей». В самом деле возможно ли дать абсолютно точный перевод всех терминов и понятий, особенно тех, которые связаны с психоментальным комплексом? Я так не думаю. Могут быть даны только очень приблизительные соответствия, которые некоторым читателям будут казаться поверхностными и бессмысленными, подобно шуткам и остротам, которые при переводе на другой язык теряют всю свою пикантность, а иногда даже оказывают на людей прямо противоположное действие.

Таким образом, с точки зрения языка, даже при хорошем знании его, сбор материала и его интерпретация очень сложны, но не абсолютно невозможны, особенно в отношении некоторых особых сюжетов. Одно из условий успеха при этом – то, что исследователь или его читатель не должны третировать чуждый (иностраный) комплекс с точки зрения своего *собственного этнографического комплекса*....

(Перевод Л.Г. Кузнецовой)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Кузнецов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров – обретенное наследие российской антропологии	5
Ермакова Э.В. Личное дело антрополога С.М. Широкогорова в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока.....	9
Бурыкин А.А. Лингвистические взгляды С.М. Широкогорова и общие проблемы литературных языков малочисленных народов севера России в 30-е – 90-е годы XX века	12
Ошурков М.Н. Методология С.М. Широкогорова и трансперсональная парадигма в гуманитарной науке	17
Певнов А.М. Лингвистический взгляд на гипотезу С.М. Широкогорова о южном происхождении тунгусов.....	20
Решетов А.М. О письмах С.М. Широкогорова к В.М. Алексееву	22
Фадеева Е.В. С.М. Широкогоров о положении женщины у северных тунгусов и маньчжур Дальнего Востока.....	24
Харитонов В.И. Тайна шаманской мистерии.....	27
Бережнова М.Л. Об основаниях этнической самоидентификации русских крестьян Западной Сибири в конце XX века	30
Бродянский Д.Л. М.В. Воробьев – востоковед-археолог	33
Константинов М.В. Петр Михно: арестованное краеведение	35
Константинова Т.А. Деятельность православных епископов Иркутской епархии против старообрядцев в конце ХУШ - первой половине ХIХ вв.....	39
Кочешков Н.В. Зачинатель научного корееведения в России.....	42
Крадин Н.Н. Антропологические перспективы изучения постсоветской политической культуры	44
Томилов Н.А. Этническая история и взаимодействие наук в ее изучении	47
Янчев Д.В. Петр Казимирович Яворовский – исследователь негидальцев.....	49
Романова Л.И. Проблема обеспечения безопасности жизнедеятельности населения.....	51
Кирдяпкина А.В., Шерстюк Б.В., Шорин В.В., Галактионов О.К., Терентьева Ю.Б. Кластеризация смертности среди лиц, злоупотребляющих приемом психотропных веществ на территории Приморского края за 1991-2000 гг.	53
Коноплев А.Е., Галактионов О.К., Шорин В.В., Ушаков В.В., Дашиева Б.А., Гурожапова Ц.В. Социальная дезинтеграция личности на примере малочисленных субпопуляций.....	57
Алкин С.В. История сооружения и современные представления о времени сооружения «вала Чингиз-хана».....	60

Табарев А.В. Ритуальная атрибутика финального палеолита Приморья.....	63
ПРИЛОЖЕНИЕ	65

Научное издание

Коллектив авторов

Широкогородские чтения
Материалы научной конференции г. Владивосток 18-19 октября 2001 г.

Редактор А.М. Кузнецов

Набор и верстка А.М. Кузнецова, Б.К. Старостина

ЛР №О20277 от 18.02.97. Подписано в печать 15.10. 01.

Формат 60x84¹/₁₆. Усл. печ. л. 5,2, уч.-изд. л. 5,0.

Тираж 100 экз. Заказ.

Издательство Дальневосточного государственного университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27
Лаборатория множительной техники Научного музея ДВГУ
690950, г. Владивосток. Океанский проспект, 37